

Михаил
СЕРЕГИН

ДОНОРЫ за доллары

ДОКТОР

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин
Доноры за доллары
Серия «Доктор»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167298

Доноры за доллары: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-06916-X

Аннотация

Когда бесследно исчезает танцовщица ночного клуба, мало кому до этого есть дело. Только разве врачу городской больницы Володе Ладыгину. Он не может остаться равнодушным. Ведь девушку лечили в больнице, где он работает, да еще она – знакомая его друга. А раз так, Володя будет копать до конца. Для начала он выяснил, что она попала в закрытую частную клинику, а потом – что в этой клинике расчленяют людей на «запасные» органы. Теперь осталось дело за малым – накрыть всю эту преступную организацию и сдать ее ментам...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	47
ГЛАВА 6	61
ГЛАВА 7	69
ГЛАВА 8	88
ГЛАВА 9	96
ГЛАВА 10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Михаил Серегин

Доноры за доллары

ГЛАВА 1

Я был безупречен. Темный костюм, галстук, мудрая улыбка на в меру симпатичном лице.

– Все люди, как люди, один я – как бог! Здравствуйте, Владимир Сергеевич. До свидания, Владимир Сергеевич. Как поживаете, господин Ладыгин? Да, я справлюсь, я смогу. Я достоин, черт возьми! – убеждал я себя, направляясь утром на работу.

Однако от всей моей самоуверенности не осталось и следа, когда я миновал буднично-равнодушных «леопардовцев», с которых начиналось каждое мое утро. За их камуфлированными спинами начиналась территория нашей клиники, в которой я с сегодняшнего дня должен был стать маленьким начальником – заведующим терапевтическим отделением.

Именно поэтому в моем бравом галопе по центральной лестнице сегодня не было и тени молодецкой лихости. Это вон санитару Фесякину можно гарцевать по лестницам. А

мне это теперь не к лицу.

– Привет! – пробасил Фесякин.

– Здравствуй, здравствуй...

И снова – вверх, вверх по лестнице.

И кабинет у меня теперь новый. И стол в нем – тоже новый. А все, что на столе, – мое. У меня теперь даже есть компьютер! Правда, зачем он мне, полному «ламеру», как выражается мой знакомый программист, пока непонятно. Так, для солидности. А в столе... В столе пока нет ничего. Это поправимо. Выгружаем из портфельчика «завтрак холостяка». «Бутылка кефира, полбатона...» – и это главное.

Эх, жаль, не додумался прихватить фотографию Марины! Она хорошо смотрелась бы вот тут. И диплом нужно по примеру западных коллег на стену повесить – чтобы посетители знали, что здесь сидит форменное светило! Да! Не забыть раззвонить знакомым мой персональный телефончик, который так мило поблескивает на краю стола своими лаковыми боками. Прямо сейчас и позвоним!

– Марина! Ты меня слышишь?

В трубке раздался сонный голос Марины:

– Господи, Володя! Еще восемь часов! Все нормальные люди...

– Все нормальные люди, Марина, уже на своем рабочем месте! Записывай телефон...

Я не успел закончить фразу – в дверь настойчиво постучали.

– О! Ко мне уже кто-то ломится. Я тебе попозже перезвоню, ладно? Ну, пока!

Стучать продолжали.

– Войдите! – авторитетным голосом крикнул я.

На пороге появился импозантный Штейнберг.

– Ну, что, Ладыгин, – пророкотал он. – Я вижу, вы тут уже освоились.

Я непроизвольно задвинул портфель ногой под стол и поправил галстук. При появлении Штейнберга у меня не осталось мыслей – только рефлексy.

– Поздравляю, поздравляю! Если у вас что-то вызовет затруднения или возникнут какие-нибудь вопросы – сразу ко мне!

Что-то ответить ему я тоже не успел – Штейнберг повернулся ко мне величавой спиной и закрыл за собой дверь.

«Эх, Ладыгин! Теряешь былую сноровку!» – сказал я себе и стал переключать на столе бумажки – нужно же чем-то заняться. Не успел я обдумать печальную свою судьбу вечно подозреваемого в провокациях и махинациях, как дверь снова открылась, на этот раз без стука. В кабинет впорхнула моя неприступная зазноба и предмет моего эстетического вожделения – Инночка. По моей настоятельной просьбе ее тоже перевели в терапию и дали мне в помощницы. К моему удивлению, она не очень-то сопротивлялась. Перебирая своими длинными ножками, которые так интересно выглядывали из-под белого халатика, Инночка приблизилась к столу,

состроив самую деловитую гримаску из тех, что были в ее арсенале.

– Доброе утро, Владимир Сергеевич! Вот список ваших дел на сегодня. – Она зашуршала бумагами. – С восьми тридцати до десяти – прием больных. В одиннадцать – планерка с сотрудниками терапевтического отделения. Обед с часу до двух. После обеда вас просил зайти Штейнберг – у него к вам какой-то разговор...

– А сам об этом сказать он не мог? Он только вот вышел.

– Не знаю, – продолжала Инночка, не поднимая на меня глаз и продолжая теревить бумаги. – Вот карточки больных. Вот бланки направлений. Если что-то понадобится, вызовите меня – я в ординаторской.

– Хорошо, – смиренно сказал я, глядя на не менее привлекательный вид Инночки сзади.

Вот дела! Не место красит человека, а человек – место. Так, кажется? Только вот на этом месте я себя пока человеком не чувствую. Но это – тот недостаток, который со временем проходит. А теперь – пора и за работу. Кто там у нас сегодня первый счастливчик?...

* * *

– Нет, доктор, это вы меня послушайте! Я вам говорю, что не могу я больше глотать эти пилюли! Не помогают они мне – и все!

Мужчина нервно сжал кулаки и посмотрел на молодого, на его взгляд – слишком молодого, доктора, который невозмутимо заполнял очередной бланк.

– Господин Сергеенко, не стоит нервничать. Я вам в который раз объясняю – без предварительного обследования просто не обойтись. Я не могу вам дать направление к хирургу, если не буду уверен в диагнозе, – как вас еще убеждать?

Врач холодно взглянул на пациента. Тот нахмурился еще больше. Ему не нравился непреклонный тон, который использовал этот сопляк по отношению к нему, так много повидававшему и так много знавшему.

– Молодой человек! Я прожил долгую жизнь и в своих правах разбираюсь не хуже вашего! Вы вот, я вижу, в клинике недавно и всех порядков здешних не знаете. – Пациент явно вскипал. – А то бы вы мне не противоречили. Я деньги плачу – я и музыку заказываю!

Доктор оторвал свои спокойные глаза от бумаг и без всякого интереса посмотрел на надоедливого посетителя. Протянув ему тонкие листики бланков, заполненных, по обычаю врачей, неразборчивым почерком, он холодно сказал:

– Я вам выписал повторные направления на анализы. Предъявите их в кассе и оплатите.

Снова принявшись что-то записывать, он недвусмысленно дал понять, что дальше общаться с настойчивым господином не намерен.

Пациент медленно встал, взял бланки, постоял еще мину-

ту, словно ожидая, что доктор одумается, и пошел к выходу, на ходу бормоча проклятия.

Доктор откинулся на спинку кресла и с облегчением вздохнул:

– Уффф! Ну и денек сегодня!

* * *

Следующее утро началось приятно – с совместного завтрака с Мариной. Посему мой утренний галоп по лестнице сегодня будет посвящен счастью молодого, здорового и довольного жизнью организма. Мой путь славы был прерван на самой середине явлением сердитого Штейнберга. Он стал моим кошмаром. Я даже головой потряс и глаза пошире открыл, чтобы убедиться, что он мне не чудится. Грозный бас был последним аргументом, который убедил меня в полнейшей реальности надвигающейся угрозы.

– Владимир Сергеевич! Зайдите ко мне сразу же, как переоденетесь, – безапелляционно заявил «главный», поворачивая за угол.

Что ж за напасть такая! Я теперь завтерапией или мальчик для битья? Ничего не поделаешь – придется с самого утра получать на орехи. Еще не знаю, за что, но чувствую – придется.

Штейнберг на этот раз стоял у окна и курил свою любимую сигару, мрачно глядя на накрапывающий дождик. На

мое появление он отреагировал взглядом через плечо:

– А, Ладыгин... – Как будто он ждал кого-то другого! – Присаживайтесь.

Опускаюсь на краешек кресла и изображаю на лице подобострастный интерес и напряженное внимание. Жаль, что у него на затылке не было глаз, – он бы порадовался моему рвению. А затылок его не предвещал ничего хорошего. Ничего хорошего не предвещал и его голос, которым он произнес:

– Ну, Ладыгин, рассказывайте, как мы дошли до жизни такой?

«Ну очень оригинальное начало!» – подумал я. Бесили меня подобные вопросы, до ужаса бесили. Такое ощущение, что ты – конченный человек и круглый дурак, а жить тебе осталось не больше трех дней в лучшем случае. Посему я позволил себе ничего не ответить, а подождать продолжения новой нравоучительной тирады. Долго ждать не пришлось. Босс затушил сигару, глубоко вздохнул и соизволил повернуться ко мне, изобразив на лице скорбную иронию:

– Что, Ладыгин, не получается из вас начальник, а?

Так, понятно. Я опять чего-то не знаю. Ну, ничего, сейчас мне сообщат.

– Не понимают ваши подчиненные, что такое трудовая дисциплина и профессиональная этика, – продолжал Штейнберг.

– А что случилось, Борис Иосифович? – осмелился подать

ГОЛОС Я.

Штейнберг молча подошел к столу, взял там какой-то листок и протянул его мне:

– Вот, – ехидно сказал он. – Полюбуйтесь.

Я полюбовался. Действительно, было чем. Этот листок оказался жалобой одного из больных на низкий уровень обслуживания. Некто Сергеенко Д. П. обвинял нашу клинику в шарлатанстве (так и было написано!) и угрожал обратиться с иском в суд на предмет возмещения материальных и моральных издержек, которые он понес в процессе лечения в нашем «медицинском учреждении». Замечательно, а я здесь при чем? Я хотел возмутиться, но тут заметил, что в документе упоминается смутно знакомая фамилия. Я вчитался внимательнее и понял, что самое большое негодование у Сергеенко вызывает халатное отношение к своему делу одного из врачей, а именно – терапевта Юдина П. П. Все ясно – один из новеньких проштрафился, причем один из моих подчиненных. Я моментально среагировал:

– Борис Иосифович, срочно примем меры! Больше этого не повторится!

– Ладыгин, я либо чего-то не понимаю, либо чего-то не понимаете вы. Если дошло до того, что пациент собирается в суд подавать, то все зашло уже слишком далеко и конфликт зрел давно. Вы-то в это время где были?

Хотелось возразить, что я должность заведующего терапией занимаю недавно и в любом случае проследить инци-

дент не мог, но что-то меня удержало. Я ограничился лишь торжественным обещанием разобраться и принять меры и немедленно ретировался.

Штейнберг прокричал мне вслед:

– Идите, Ладыгин, идите! Я надеюсь, для вас это будет удобным случаем проявить себя как руководителя!

Что ж, начальство велело проявлять – значит, будем проявлять. Захожу в свой кабинет, присаживаюсь за стол, делаю хмурое лицо и вызываю по телефону мою очаровательную ассистентку:

– Инночка? Вы не могли бы пригласить ко мне Юдина? Да-да, дежурного терапевта... Срочно, если можно!

Ждем десять минут, не давая рассеяться злости и недовольной mine. Это становится все тяжелее – за окном такой погожий денек, что думать хочется только о пикничке на лоне природы в хорошей компании. Наконец он появляется: молодой, самоуверенный и наглый – вылитый я пару лет назад!

Смотрю на подчиненного и стараюсь по его лицу понять, что он собой представляет вообще. Среднего роста, довольно худощав, хорошо сложен – видно, что спорт в отличие от меня не бросил до сих пор. Темные волосы и темные сердитые глаза на строгом лице. Бородка – для солидности, что ли? Или он себе так светило медицины представляет? Тоже мне, Джонни Деп выискался! Нужно принять меры – ничто так не радует начальство, как чисто выбритые подбородки

подчиненных, а эту самостоятельность с имиджем нужно пресекать в корне!

Мои размышления о роли волосяного покрова в истории вольнодумства прервал приятный баритон:

– Вызывали, Владимир Сергеевич?

– Вы – Юдин... э-э-э...

– Павел Петрович, – помог мне Юдин.

– Да, проходите. Тут вот на вас, Павел Петрович, сигнал поступил. – Я посмотрел на него строго, стараясь произвести как можно больший драматический эффект. Будто я сам забыл, насколько нехорошо мне было полчаса назад в кабинете Штейнберга.

Однако Юдина это, видимо, не проняло. Он только надменно склонил голову набок и посмотрел на меня своими пронзительными глазами.

– Что за сигнал, Владимир Сергеевич? – невозмутимо заинтересовался он.

Каменный товарищ. Непробиваемый. Если в моем подчинении все будут такими, то вряд ли суждено воплотиться мечтам Штейнберга об образцовой терапии.

Вспоминаю главную заповедь руководителя – ни в коем случае не показывать своим подчиненным страх и неуверенность в себе – и продолжаю:

– Вы у нас в терапии сколько работаете?

– Три недели.

– Три недели? Пора бы уже знать, что у нас – не просто

клиника. У нас – специализированная клиника. И специализируется она, к вашему сведению, на людях состоятельных и довольно требовательных.

В глазах Юдина засквозила скука. Видимо, подобную идеологическую обработку в наших стенах он проходил уже не раз. Ну, что ж, повторение – мать учения. Продолжаем разговор:

– Мы берем за свои услуги деньги, и деньги немалые. Это позволят нам обеспечить нашим сотрудникам достойный уровень существования, но и это же дает право нашим клиентам рассчитывать на самое компетентное обслуживание. Конечно, наши демократичные правила и гибкая ценовая политика позволяют пользоваться нашими услугами и тем, кто не принадлежит к сливкам общества. Но и в отношении к ним у нас действует старый добрый принцип: клиент всегда прав. И нужно следовать ему, как бы это ни было трудно. Если подобные условия работы вас не устраивают – ради бога, возвращайтесь в муниципальную клинику и работайте там в свое удовольствие, лечите спустя рукава, хамите – никто вам слова не скажет!

– Так в чем конкретно дело, я что-то не уловил? – вернул меня к реальности Юдин, который слушал мои излияния, кажется, вполуха.

– А дело в том, дорогой вы мой, – добавил я металла в голос, – что вами недовольны клиенты.

– Чем недовольны и кто конкретно?

– Вот у меня здесь есть письменная претензия на имя главврача, в которой указывается на неоднократные нарушения вами профессиональной этики и некачественное обслуживание наших больных.

Мой тон должен был его просто придавить к креслу. Но, видимо, я не на того напал.

– Владимир Сергеевич, мне кажется, что если бы вы немного яснее выразались, то от нашего разговора было бы намного больше толку и я бы уже мог пойти на свое рабочее место. Разрешите, я сам взгляну на эту жалобу, а то я до сих пор ничего не понимаю.

Вот наглец! Ну что ж, пусть возьмет и почитает. Я протянул ему листок, он пробежал его глазами и тяжело вздохнул. Возвращая мне кляuzu, он сказал:

– Вам нужно было сразу мне сказать, от кого эта жалоба. Не нужно было бы столько слов.

– В смысле?

– В смысле этот товарищ... то есть – господин Сергеенко мне уже всю плешь проел, – раздраженно посетовал Юдин.

– То есть вы его хорошо помните и причину недовольства его представляете?

– Вполне, – подтвердил Юдин. – Этот замечательный человек – дай бог ему здоровья – ипохондрик чистой воды, и притом – ипохондрик агрессивный. Он с самого начала моей работы здесь досаждаёт мне своими посещениями. И не жалко ему денег? Жалуется всегда на одни и те же симптомы

– рези в пояснице, болезненное мочеиспускание. Явно что-то не в порядке с почками. Я даю ему направление на процедуры и на УЗИ, он это игнорирует и настаивает на своей госпитализации и срочной операции. Но я не могу дать ему направление на операцию, если не могу быть уверен в диагнозе! Я ему это объясняю, а он грозитя на меня в суд подать! Я ему говорю: если вас моя работа не устраивает, обратитесь к другому специалисту, а он опять ко мне приходит! Что я с этим могу поделаться?

После этой гневной тирады ситуация стала проясняться. Подобный сорт пациентов я знал прекрасно. Эти люди – чаще всего пожилые – всегда считали себя умнее врачей и знали цену своему мнению. Тяжелый случай. Убедить их в своей правоте и сломить их упрямство мог только врач с огромным жизненным и профессиональным опытом. Или очень хитрый врач. Юдин, по всей вероятности, не обладал ни тем, ни другим. Привык, поди, переть, как носорог.

– Хорошо, Павел Петрович, – смягчился я. – Если все, что вы говорите, соответствует истине, то все будет в порядке. У вас есть координаты этого больного? Когда у вас заканчивается прием больных?

– В половине первого, – отозвался он, снова приобретая свою невозмутимость.

– Зайдите ко мне и захватите карточку этого Сергеенко. Мы попробуем разобраться. Можете идти, – авторитетно кивнул я, опуская взгляд в бумаги.

– Спасибо, Владимир Сергеевич, – произнес Юдин своим холодным тоном и откланялся.

Нужно взять тебя на заметку, самоуверенный ты идиот, – мысленно примечаю я себе и тут же ловлю себя на мысли, что этот строптивый терапевт вызывает во мне смутное опасение и раздражение. Как же, альтернативный лидер в коллективе – главная опасность для руководителя! Эх, тяжела ты, шапка Мономаха!

ГЛАВА 2

С тех пор как Наташу не взяли в театральный, каждый день ее жизни в Москве был ступенькой длинной лестницы, которая вела ее по дороге разочарований. Разочарований в людях, в жизни, в себе. С самого начала идея поступать в ГИТИС могла показаться безумной.

И все-таки она поехала. Обняла воющую в голос мамку, села в поезд – и поехала. До той поры она не была дальше районного центра, а потому боялась всего: поездных воров, соседей по купе, носильщиков на вокзале и уж тем более – водителей такси.

После того как она подала документы, ее на время поселили в общежитие, где Наташу очень удивил образ жизни старожилов. Ежедневные праздники, которые заканчивались то мордобоем, то всеобщим сном вповалку, очень быстро стали ей надоедать. К тому же они совершенно не оставляли времени на занятия.

Первые экзамены Наташа сдала вполне сносно, но на мастерстве завалилась. Все было при ней – и внешность девочки-эльфа, и огромные серые глаза, и нежный голосок. И даже определенная талантливость. Только вот ее выговор резал ухо преподавателю по сценической речи.

– Мая дарахая, – сострил он, – вам бы речью сперва заняться!

В общем, провалилась с треском, и даже из общаги ее поперли. Возвращаться домой с позором к маме она, конечно, не захотела. Позвонила и соврала, что ее взяли на подготовительные курсы и она начнет учиться со следующего года. Решила – умру, а своего добьюсь!

Из общежитских друзей у нее остался только один, который с первого же раза был потрясен ее внешностью и стал для нее ангелом-хранителем в этом многооконном аду.

Дима Красников был карамельным красавцем, из тех, что обычно становятся гомиками или альфонсами. Но у этого был «запас прочности»: папаша его, потомственный военный, муштровал сынулю с самого детства, пытаясь вырастить крепкого вояку и безукоризненного мужика. Мужика из Димы в конечном счете не получилось, а получился неплохой актер. Когда Красников-младший заявил отцу, что не собирается в суворовское училище, а совсем наоборот, в театральное, тот только плюнул презрительно и решил сосредоточить свои педагогические усилия на младшеньком, Даниле. Так Дима покинул родной Георгиевск и попал на актерский факультет ГИТИСа.

Там, во время вступительных экзаменов, он встретил этого «чудо-ребенка» и понял, что его миссия на этой земле – не отходить от Наташки ни на шаг. Его пугала ее наивность, которая в Москве – и Дима это прекрасно понимал – может привести если не к гибели, то, по крайней мере, к крупным неприятностям.

Вот он и носился с ней, как с писаной торбой, боясь оставить даже на минуту. А оставлять приходилось: учеба в ГИТИСе и подработка в «Макдоналдсе» не оставляли практически ни одной минуты свободного времени. Дима крутился как белка в колесе, стараясь все успеть и все суметь. Он, как мог, помогал Наташе деньгами: того, что присылали ей родители, едва хватало на оплату жилья.

Дима крутился, а Наташа ждала его, сидя дома целыми днями. На работу ее устроить не удалось – была нужна хоть временная прописка. Выходить на шумные московские улицы одна она боялась, а знакомых у нее по-прежнему не было. От этого вынужденного домоседства и безделья в ее молодую голову лезли иногда самые неприглядные мысли и безумные идеи.

* * *

– Да, господин Сергеенко, я вижу, что ваши претензии небезосновательны.

Я улыбался самой лучезарной улыбкой и старался представить, на сколько частей меня разорвет Штейнберг, если я не угомоню этого вредного старика.

По одну сторону моего стола сидел хмурый Юдин, а по другую – надутый, как сыч, Сергеенко. Мне досталось центральное место, которое называют обычно «между молотом и наковальней». Главное – сохранять спокойствие.

Сохранять спокойствие было нелегко, потому что на меня обрушивался то шквал негодования со стороны уверенного в своей правоте пациента, а с другой – дождь холодных аргументов строптивного подчиненного. На разрешение конфликта мирными методами ушло уже около часа. Я уже понял, что справедливости в этом мире нет, а потому нужно так извернуться, чтобы и клиент был сыт, и работник цел. Изворачиваться придется мне – больше некому.

– Итак, господин Сергеенко, я с вами целиком и полностью согласен, что ваш доктор был не прав. Он проявил непростительную небрежность по отношению к вам. Конечно, ему было бы лучше прислушаться к вашему мнению и быть немного внимательнее. Однако скажите мне, Валентин Иванович, вы случайно диплома врача не имеете?

– Какой еще диплом врача? Я юрист по образованию! – продолжал негодовать Сергеенко.

– Замечательно, юрист. Скажите мне, господин юрист, если бы, например, преступник указывал вам на то, каким образом вам нужно вести следствие или организовывать его защиту, что бы вы ему ответили?

Сергеенко, видимо, сообразил, к чему я веду, и недовольно замолчал. Я из вежливости подождал ответа на свой риторический по сути вопрос и продолжил:

– Именно потому, что из вас двоих диплом врача имеет господин Юдин, я все же склонен думать, что именно ему я и буду больше верить во всем, что касается состояния вашего

здоровья. Но вы, как я понял, моего мнения не разделяете – так?

Молчанье было мне ответом.

– Хорошо, Валентин Иванович, а мне вы доверяете?

Сергеенко минуту помолчал, а потом медленно кивнул.

– Замечательно! Значит, мое заключение и мои рекомендации будут для вас иметь значение?

Он снова кивнул.

– В таком случае предлагаю следующее. Я вас лично осмотрю – в присутствии вашего доктора, разумеется. А вы в свою очередь обещайте мне, что обязательно пройдете все процедуры и все виды дополнительного обследования, какие я вам только скажу, хорошо?

Сергеенко молча поднялся.

– Куда мне следует пройти?

Встали и мы с Юдиным.

– Пройдемте в мой кабинет, – проговорил Павел Петрович и толкнул дверь.

Осмотр показал, что Юдин был прав. Сергеенко страдал либо от деконтенса, либо от камней в почках.

– Так, дорогой вы наш! Точный диагноз вам можно будет поставить только после ультразвукового исследования. Давайте выпишем вам направление, а пока попейте уролесан, нитроксолин и что-нибудь мочегонное.

Пока я заполнял бланки, пациент сопел, как носорог, а Юдин молча торжествовал. Сергеенко не смел возразить ни

словом, хотя чувствовалось, что он этого страстно желает.

– Вот ваши направления и рецепты. С этой минуты вы поступаете в ведение Павла Петровича. Он будет с вами работать под моим чутким руководством, а все инструкции получать непосредственно от меня, согласны?

Сергеенко сокрушенно вздохнул и покосился на Юдина. Тот по-прежнему невозмутимо молчал. Я торжествующе посмотрел на обоих и облегченно произнес:

– На этом инцидент считаю исчерпанным и решение окончательным! Разрешаете мне вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей?

Оба недоуменно посмотрели на меня, но сказать ничего не успели – я поспешно покинул помещение.

Фу, наконец-то можно отпраздновать маленькую победу и рапортовать начальству о восстановлении безупречной репутации нашего престижного заведения!

ГЛАВА 3

– На повестке дня два вопроса: увольнение хирурга Карташова и реорганизация отделения травматологии...

Планерка руководителей отделений клиники была обычной. Я заранее сел подальше от начальства и развернул под столом скандворд – пусть свои вопросы решают без меня.

Планерка шла своим ходом, скандворд приближался к логическому концу, и вдруг я краем уха уловил спор о том, где взять подходящие кадры. Вслушался повнимательнее. Спорили Штейнберг и Лямзин – завхирургией.

– Борис Иосифович, вы напрасно считаете, что можете принять на место Карташова хирурга того же уровня! Вам не следует так настаивать на его увольнении.

– Дорогой мой! Если вы думаете, что мы можем терпеть его присутствие в нашей клинике и дальше, то вы глубоко ошибаетесь! У него звездная болезнь, у вашего Карташова. Видите ли, Пирогов нашелся! То, что он может оперировать хоть с завязанными глазами, не значит, что он может прогуливать дежурства и опаздывать на два часа!

– Но, Борис Иосифович, многие больные специально к нему ложатся. Мы же столько пациентов потеряем, столько денег!

– Деньги деньгами, а трудовая дисциплина – это вам не шутки, уважаемый!

Я зазевался, и мой скандворд с шумом полетел на пол. В кабинете настала мертвая тишина, и все взгляды обратились к моей несчастной персоне. Штейнберг постучал карандашом по столу и ехидно сказал:

– А вот у Ладыгина есть предложение! Владимир Сергеевич, что вы имеете сказать по этому поводу? И, кстати, что там у вас с тем сигналом – разобрались?

Мне пришлось подняться и под всеобщими насмешливыми взглядами произнести:

– У меня?

Я чувствовал себя как школьник, который громко грыз сухари на показательном уроке по литературе.

– Да, у меня есть предложение. Если дело стало за подходящими ценными кадрами, то могу предложить отлично-го хирурга и замечательного человека – Николая Воробьева. Большого ума человек, к тому же имеет высокую профессиональную классификацию. А с сигналом все нормально: у Сергеенко нет больше к клинике никаких претензий, – бодро сказал я и сел.

Штейнберг посмотрел на меня удивленно и обратился к Лямзину:

– Ну, как, Степан Алексеевич, готовы протестировать новый кадр?

Лямзин поерзал на стуле, прокашлялся и ответил:

– Родина сказала – «надо», мы ей ответили «есть!».

– Ну и замечательно. Продолжаем наше заседание. По

причине расширения...

Скандворд разгадывать уже не было никакой возможности, поэтому остаток планерки я провел, разглядывая профиль заведующей детской терапией – Людмилы Павловны. Профиль был интересным и доставил моему рассеянному вниманию несколько приятных минут.

По окончании планерки все разбрелись по своим рабочим местам. Я же побежал звонить в центральную районную больницу, где прозябал в хирургах мой талантливый друг.

* * *

– Наташа, откуда у тебя это платье?

Девушка резко повернулась:

– Дима? Я не слышала, как ты вошел...

– Ты мне не ответила, Наташа. – Суровый взгляд из-под красивых ресниц осматривал с ног до головы нарядную тоненькую фигурку.

– Купила, – мрачно ответила девушка, снова повернувшись к зеркалу.

– А откуда деньги взяла? – по-прежнему хмуро допытывался Дима.

– Мама прислала.

– Не ври. Мама тебе деньги на прошлой неделе прислала, и ты их за квартиру отдала.

– А она еще прислала. На день рождения. – Наташа вне-

запно оживилась. – Ты что, не знаешь, что у меня скоро день рождения?

– Я почему-то думал, что он у тебя весной...

– Думал, думал! Все бы тебе думать. – Она танцующей походкой подошла поближе и, лукаво наклонив голову, взглянула ему в глаза.

– Скажи, чего бы тебе сейчас хотелось больше всего?

– Какая разница?

– Нет, не так! Что бы ты хотел съесть на ужин?

– Да ничего бы не хотел. Я сыт, в общем-то.

– Ну тебя, какой ты скучный! – Наташа шутя замахнулась на друга, а потом, улыбнувшись, потащила его на кухню.

Там на столе, покрытом белой клеенкой, красовались миски с салатом, жареной картошкой, мясом, тарелочки с тонко нарезанной колбасой и сыром.

– Это что? – Парень, как баран на новые ворота, смотрел на все это изобилие, с особым недоумением поглядывая на поблескивающую темным боком бутылку с марочным вином.

– Это праздничный ужин! Я угощаю! А то нечестно – все ты и ты.

Наташа, как птичка на ветку, легко присела на ближайшую табуретку, тем самым как бы приглашая Диму присоединиться к ней.

Дима тяжело опустился на стул и уставился на Наташу:

– Ты где все-таки деньги взяла?

– Дима! Ну я же тебе сказала! – обиженно надула губки девушка.

– А ты еще раз скажи. Только на этот раз правду.

Наташа нахмурилась и задумалась. Потом, катая пальчиком по столу крошку хлебного мякиша, медленно ответила.

– Я на работу устроилась.

– Интересно! На какую такую работу ты устроилась? – скептически спросил Дмитрий, потянувшись за кусочком колбасы.

– В танцевальное шоу. Знаешь, там так интересно! Такие вот перья на голове, здесь – блески, тут – стразы, и каблук такие высоченные-высоченные! – зашебетала вдруг Наташа, интуитивно чувствуя подвох в этом внимании к ее делам.

Диминая рука с колбасой застыла в воздухе. Наталья между тем продолжила:

– Я сначала думала, что на таких каблуках не смогу. А потом покачалась-покачалась – и пошла! Там такой конкурс был, Димка-а-а!

– Так, куда-куда ты устроилась? В какое шоу?

– Дим, ну какой ты глупенький! В танцевальное, я же тебе говорю. В «Виски и go-go».

– А со мной посоветоваться – трудно было, да?

– А ты мне кто – папа родной? Ну, устроилась на работу – так ведь хорошо! Мне вот и аванс дали – деньжищи!!! – Наташа обвела рукой стол, как бы приглашая оценить всю грандиозность полученной ею суммы.

– Ты что, вместо того чтобы учиться, будешь в этом пошлом месте бегать перед мужиками голой? – Дима бросил колбасу обратно в тарелку. – И уйти ты теперь не сможешь – аванс нужно отработать.

– А что? Работа как работа. Другие вон в кино голыми снимаются – и ничего. А я – артистка будущая, нужно мне от комплексов избавляться? – вдруг разошлась Наталья.

– Замечательно! Из леса – в шлюхи, да? – Дима вскипел, и теперь его не могло остановить ничто.

Он понимал, конечно, что говорит лишнее, но обида на Наташу была слишком велика. Он с нее, паразитки, пылинки сдувал, боялся даже и подумать о том, как велико его притяжение к этому телу, не поцеловал ее даже ни разу, а она...

А она смотрела на него потемневшими серьезными глазами.

– Уходи, – вдруг медленно и грозно сказала Наташа.

– Что? – не понял Дима.

– Уходи, – настаивала она. – Без тебя теперь обойдемся. Ишь, умник выискался! Чистоплюй! Жри сам свои биг-маки, а меня уволь!

Наташа сорвалась на крик, а потом уронила голову на руку и снова залилась слезами. Подняла голову она только тогда, когда услышала, как громко захлопнулась входная дверь.

ГЛАВА 4

Все шло своим чередом. Отношения с подчиненными постепенно налаживались. Они признали наконец во мне начальника, хотя и с большим трудом. Я, правда, после памятного инцидента с Юдиным старался вести себя как тот мудрый король из сказки, отдававший только те приказания, которые будут выполнены. Встречаться с Юдиным по-прежнему было неприятно, хотя очевидных причин этому я не видел. Я наблюдал за его работой издали, но, не найдя никаких поводов больше не доверять ему, оставил терапевта в покое.

К тому же моя личная жизнь внезапно начала немного прихрамывать на обе ноги. Марина почему-то стала пропадать из поля зрения без объяснений. Все выяснения отношений заходили в тупик. Мою внезапно проснувшуюся ревность Марина жестоко высмеивала, а всяческие претензии пресекала резким: «Я тебе пока не жена». После этого я решил, что в свете последних событий она устала от неопределенности и стала искать впечатлений на стороне. Я не стал ничего выяснять и решил с головой погрузиться в работу, благо что ее у меня было непочатый край.

Воробьев теперь работал в хирургии, и его непосредственное начальство не могло на него нарадоваться. Еще бы, он мог оперировать даже самых тяжелых больных, причем после его операций все заживало с невероятной быстротой.

Легкая была у Воробьева рука, и все это поняли достаточно скоро: клиент повалил косяком, Штейнберг благодумствовал. При этом даже после самой тяжелой смены у Николая находились силы пошутить и посмеяться с коллегами и приударить за хорошенькими медсестрами. Мы с ним встречались в курилке, где делились своими впечатлениями о нынешней жизни и свежими анекдотами.

Сегодня я сидел в курилке и ждал Воробьева, которого почему-то все не было. Миша Зодкин, студент мединститута и тусовщик по призванию, как всегда, развлекал публику историями из своей собственной славной жизни. Старожилы клиники слушали его со скептическими ухмылками, но все же не расходились – слог у Миши был изысканным, а истории он рассказывал и вправду замечательные. То с другом они в женское общежитие залезли и шороху там наделали, то с кем-то по крышам убегали от милиции – в общем, ходячая энциклопедия мистики и приключений. На этот раз Миша всем показывал, какой он ловелас.

– Такие там были цыпочки – это что-то! Ноги, груди – о-о-о! А одна такая миленькая, прямо ангелочек! Глазищи – во! И попа – ничего так. С ней я и зажег. Очень она мне понравилась. Говорю: «Детка, знаешь, что мне сейчас нужно?» А она мне в ответ...

– Освежить дыхание! – сострил кто-то из дальнего угла.

– Да нет... В общем, было круто! А потом я ей визитку Штейнберга всучил – мол, позвони мне, детка, если что!

Миша весело заржал, к нему присоединились его товарищи. Мне стало скучно, и я решил прогуляться до хирургии. Не успел я затушить окурок, как дверь открылась и в курилку ворвался Штейнберг собственной персоной, свирепый как всегда.

Присутствующие переглянулись, суеверно опасаясь, не установлены ли здесь подслушивающие устройства с выходом прямо на его кабинет.

Штейнберг досадливо поморщился и стал кого-то искать глазами в никотиновом тумане. У каждого, на ком останавливался его взгляд, на минуту перехватывало дыхание.

Наконец, не надеясь на зрение, Штейнберг грозно спросил:

– Заведующий терапией здесь?

Я вздохнул и двинулся своей несчастной судьбе навстречу.

– Иду, Борис Иосифович! – смиренно отозвался я.

Курилка проводила меня скорбными взглядами.

Идя по коридору, я старался попадать в ногу с размашистыми шагами босса. Тот нервно теребил в руках белую докторскую шапочку. Я терпеливо ждал, когда начнется буря. Ждать пришлось недолго.

– Это черт знает что, Ладыгин! – наконец разразился Штейнберг.

Я молчал и только быстрее перебирал ногами, подстраиваясь к его негодующему шагу. Штейнберг еще помолчал и

вдруг внезапно остановился:

– Ладыгин, вас что, к нам конкуренты подослали?

– В смысле? – отчаянно тормозя подошвами, удивился я.

– В том смысле, что от вас нашей клинике одни неприятности и убытки! Вы специально?

– В чем я опять провинился, не понимаю? – пробормотал я, начиная уже раздражаться от постоянных нападков Штейнберга.

– Вы кого нам привели? Это не хирург, это коновал какой-то!

Я начинал подозревать, что случилось что-то совсем уже страшное.

– Зарезать человека на пустычной операции! Где его учили оперировать? Где?

Сообразив, что Воробьев, видимо, что-то сделал не так, в результате чего кто-то умер, я кинулся прямо к нему в хирургию, чтобы выяснить все досконально. Штейнберг поймал меня за рукав халата и угрожающе промолвил:

– Это уголовное дело, вы не понимаете, что ли?

– Я все понимаю, – заверил его я и все же сбежал.

В хирургии Воробьева я не застал. Мне сказали, что он сегодня заступает только в обед. Я стал выспрашивать у Головлева, который собирался домой после ночного дежурства, что у них сегодня случилось.

Головлев, намыливая сильные руки, повернул ко мне породистую большую голову и устало сказал:

– Девчушка сегодня ночью умерла. Ее вчера на «Скорой» привезли вечером – острое отравление и приступ аппендицита при этом. Ваш Воробьев ее прооперировал. Вроде все нормально было, если верить дежурной медсестре. А потом ночью у нее внутреннее кровотечение открылось – плохо зашили, видимо. Пока обнаружили, уже мало чем можно было помочь. Умерла. Даже после наркоза отойти не успела.

Головлев вытер руки вафельным полотенцем и стал переодеваться в гражданское, не обращая на меня больше никакого внимания.

Я постоял минуту, соображая, что теперь можно предпринять. Потом решил перехватить Воробьева по дороге и предупредить.

По дороге я забежал к себе в кабинет и предупредил дежурную медсестру, что по всем вопросам ко мне лучше обращаться после обеда. Для начальства я – на обходе.

А сам засел внизу и стал напряженно ждать Воробьева. Наконец он появился в конце дорожки, как ни в чем не бывало помахивая портфельчиком и озираясь по сторонам. Вот святая невинность!

Только он переступил порог клиники, я схватил его за рукав и потащил по боковому коридору, не обращая внимания на изумленные взгляды встречных медсестер.

– Эй, ты чего? – весело упирался Воробьев, подозревая меня в очередном розыгрыше.

Но, когда увидел мое встревоженное лицо, сразу понял,

что все достаточно серьезно, и сам поспешил завести меня в уголок потемнее.

– Выкладывай, что у тебя стряслось? – озабоченно спросил он.

– Это не у меня стряслось, это у тебя стряслось! Девушке вчера аппендицит вырезал?

– Ну, вырезал.

– Умерла она ночью, ясно?

– Как умерла? – Голубые глаза Николая сделались огромными и полными суеверного ужаса.

– Так – умерла! Внутреннее кровотечение. Головлев говорит, что было что-то неправильно зашито.

– Какого черта! Я что, аппендикс удалить элементарно не сумею! – возмутился Воробьев.

– Наверное, умеешь. Но она-то умерла!

– Слушай, либо я чего-то не понимаю, либо что-то здесь не так, – пробормотал потрясенный Воробьев и в задумчивости сел на подоконник. – Что теперь делать? – растерянно спросил он.

– Что делать – не знаю. Знаю, чего не делать. Не попадайся Штейнбергу на глаза – он тебя съест.

– Съест – не съест... Какая, к черту, теперь разница! – возразил Воробьев и раздраженно пнул батарею ногой. – Девчонку жалко, – сокрушенно продолжал он. – Совсем сопливая была. Симпатичная такая, наивная. Говорит: «Доктор, а это не больно?»»

Сентиментальность моего друга была делом привычным и резко выделяла его из среды других врачей, ко всему привыкших и циничных до глубины души. Вдруг Воробьева будто осенило. Он спрыгнул с подоконника и потащил меня по коридору.

– Стой, ты куда? – попытался я замедлить стремительное движение порывистого Николая.

– Пойдем-пойдем! Она в морге, наверное. Должен же я посмотреть, что с ней случилось! Нужно же иметь, чем крыть против всех обвинений!

Мы помчались в морг, стараясь быстрее миновать все людные помещения клиники и никому не попасться на глаза. Спустились в подвал. На пороге морга сидел санитар Фесякин и играл в тетрис. Он на минуту оторвал глаза от игры и недоуменно спросил у запыхавшегося Воробьева:

– Вы куда?

– Туда, – невозмутимо ответил Воробьев, открывая дверь морга.

Фесякину, видимо, этот ответ показался исчерпывающим. Он кивнул головой и снова занялся высокоинтеллектуальной игрой.

Мы довольно долго бродили по моргу, заглядывая во все холодильники. Ни одного трупа не было обнаружено.

– Фесякин, – строго спросил я, нависая над увлеченным игрой санитаром. – А где тело девушки?

– Какой девушки? – равнодушно поинтересовался Феся-

кин, по-прежнему не глядя на меня.

– Которая сегодня ночью сюда поступила, – ответил я, отнимая тетрис.

Фесякин наконец поднял на меня свои наивные глаза и сказал:

– Не знаю.

– Привет! Ты тут дежуришь и не знаешь? – подключился к беседе Воробьев.

– Здравствуйте, – отпарировал санитар. – Откуда мне знать – я полчаса как заступил.

– А кто дежурил до тебя – может, он знает?

– Кто дежурил – тоже не знаю. Но можно по журналу посмотреть, – недовольным тоном ответил Фесякин и нехотя поднялся.

Он открыл ящик стола, в котором лежал один-единственный журнал, вынул, открыл и стал перелистывать страницы, выискивая нужную запись. Наконец он удовлетворенно хмыкнул и помахал в воздухе каким-то листком:

– Все – забрали вашу девушку родные. И вот – расписку написали, что претензий к клинике никаких не имеют.

– А кто труп выдал?

– Тут не указано, – со скукой ответил Фесякин и снова засунул журнал в ящик стола.

– Отлично! – глубоко вздохнул Воробьев и стал медленно подниматься по лестнице.

Мне показалось все это несколько странным, и поэтому

я на всякий случай посоветовал санитару ничего о нашем визите не говорить. Он снова был погружен в игру и моих слов, видимо, уже не понимал.

Я догнал Воробьева в коридоре первого этажа. Он шел, повесив голову и что-то сосредоточенно обдумывая.

– Слушай, Николай! Иди-ка ты к себе и никуда оттуда не высовывайся. Будут вызывать к Штейнбергу – иди и не бойся. К тебе никаких особенных претензий быть не может. Настаивай на том, что вскрытие при тебе не производили, а труп родственникам выдали. Поэтому твоя вина не доказана. Сошлись на расписку родственников, что к клинике у них никаких претензий нет, понял? И как можно дольше тяни время – мы что-нибудь придумаем.

Оставив товарища в подавленном состоянии, я поспешил в регистратуру, чтобы поточнее узнать все сопутствующие этому происшествию обстоятельства. Уж, по крайней мере, о том, кто входил и кто выходил, там должны знать.

В регистратуре было непривычно оживленно. Возле самой двери происходила какая-то возня, смысл которой мне удалось понять не сразу. Потом разобрал, что дежурная пытается вывести из клиники раскрасневшегося парня, а тот негодует и упирается.

– Молодой человек, – раздраженно басила дежурная. – Я вас в последний раз по-хорошему прошу – идите отсюда! Прекратите хулиганить, я охрану вызову!

Парень горячился и не в меру жестикулировал:

– Это вы прекратите хулиганить! Не надо меня охраной пугать и голову мне морочить! Вам что, трудно сказать, что с ней и где она?

Дежурная снова начинала свою песню.

Я понял, что здесь не обойтись без моей помощи. Подошел поближе, отстранил пожилую дежурную и, бережно, но крепко взяв парня за предплечье, молча повел его к выходу.

Парень сразу как-то сник и послушно шел за мной, совершенно не сопротивляясь. Пока мы шли по дорожке к воротам, где уже поджидали нас «гепардовцы» в пятнистой форме, поигрывая резиновыми дубинками, я заметил в его руке поникший букет цветов. Остановился и спросил:

– Вы вообще для чего сюда пришли?

Парень ошарашенно посмотрел на меня. Еще бы: очень последовательно – сперва наброситься на человека, а потом поинтересоваться, что он, собственно говоря, хотел. Но у меня были свои цели. Молодой человек помедлил немного и ответил:

– Я пришел навестить здесь свою знакомую. Ее к вам в клинику положили. А в регистратуре мне говорят, что такой у вас нет и не было. Ну как не было – я же точно знаю, что она должна быть здесь!

Становилось все более интересно.

– Откуда вы знаете, что она здесь? Она что, жила поблизости? Вы в курсе, что это – специализированная клиника и в нее не всех кладут?

Парень полез в карман, зябко поводя плечами и щурясь от резкого ветра. Охранники недоуменно поглядывали на нас и переминались с ноги на ногу, не решаясь уйти или приступить к более решительным действиям. Он порылся там некоторое время и достал смятый и неровно оборванный по краям листок бумаги. Протянул его мне и спросил:

– Это телефон вашей клиники?

Я посмотрел на листок и утвердительно кивнул.

– Ну вот видите, все правильно. – Парень поднял воротник куртки. – Мне этот телефон дали соседи. Они по нему «Скорую» вызвали, на которой ее увезли. У нее сильная боль была в боку...

Я минуту подумал, посмотрел на охранников, на парня, на входную дверь. Потом взял его за локоть и повел обратно в клинику.

Регистраторы встретили нас удивленными взглядами, но ничего не сказали. Я подошел к окошку и спросил:

– Клавдия Федоровна, где у нас Хоменко?

– У зама в кабинете – компьютер чинит.

Я кивнул головой молодому человеку:

– Пойдемте. Как, кстати, вас зовут?

– Дмитрий, – хмуро ответил он.

Потом посмотрел на букет, который выглядел уже очень жалко, и выбросил его в первую попавшуюся урну.

– Меня – Владимир Сергеевич, – вежливо ответил я и заспешил по боковой лестнице на третий этаж.

Парень молча последовал за мной.

В кабинете заместителя не было никого, кроме Хоменко, который отсоединял и присоединял какие-то проводки в серой коробке. Увидев меня, он расплылся в радушной улыбке:

– А, привет, Владимир Сергеевич! Какие-нибудь проблемы с вашей электроникой?

– Да нет, ты нам нужен по другому делу. У молодого человека здесь знакомая лежит. А в регистратуре с ним почему-то общаться не захотели. Ты не мог бы глянуть, где нам ее искать? Для тебя же нет ничего невозможного, а?

Хоменко еще радушной заулыбался:

– Ну, возможно или невозможно – это вопрос. Но если это кто-то в компьютер положил, значит, кто-то и достать сможет.

– Тогда пойдем, что ли, в регистратуру, – заторопил я компьютерного светоча нашей клиники.

– Зачем? Мы и здесь неплохо покопаемся, – уверил меня Хоменко и стал подключать раскуроченный на вид компьютер к сети.

Я непроизвольно зажмурился, ожидая взрыва. Не тут-то было: компьютер тихонько зажужжал, экран засветился. Хоменко потрещал клавиатурой и спросил у парня:

– Как, говорите, фамилия вашей знакомой?

– Ряхова, – отозвался тот. – Ряхова Наталья Александровна.

– Хоменко, – удивился я, пока тот, пощелкивая «мышь-

кой», взглядывался в экран. – Ты уверен, что в этом компьютере есть информация о больных, которые поступили в клинику?

Хоменко весело заржал:

– Наивный ты у нас, Владимир Сергеич! Объясняю в последний раз: компьютеры соединены в единую клиническую сеть, и информация является общей, то есть – через любой компьютер можно посмотреть все, что угодно, ясно?

– Ясно, – согласился я, по-прежнему мало что понимая.

Между тем Хоменко, видимо, закончил свои изыскания и выдал результат:

– Никакой информации о вашей знакомой тут, увы, нет.

Мы оба посмотрели на парня. Он угрюмо смотрел куда-то мимо нас.

– Спасибо, Хоменко, – наконец нарушил тишину я. – Мы, пожалуй, пойдем.

В коридоре я остановил парня.

– Ну, вы теперь убедились, что здесь нет вашей знакомой?

Тот молчал.

– Она, наверное, где-нибудь в другом месте, в другой клинике. Попробуйте обратиться к участковому врачу по месту прописки. А лучше – узнайте у родственников.

– Нет у нее участкового врача. И родственников у нее тоже нет, – ответил он, с ненавистью глядя на меня.

После собрания коллектива, на котором Воробьеву только что не били морду, мы решили немного расслабиться и поэтому покинули клинику немного пораньше. Я повел Николая в ближайший недорогой и симпатичный бар, чтобы привести в чувство и поделиться новыми фактами – до собрания нам так и не удалось поговорить.

Воробьев сидел над рюмкой, подперев подбородок рукой и глядя в пространство перед собой. Весь его вид говорил, что он убит горем и не собирается ни пить, ни есть, ни общаться с кем бы то ни было. Я дал ему возможность некоторое время пожалеть себя, а потом, отодвинув тарелку с недоеденными пельменями, сказал:

– Парень, слушай сюда. Тебе, конечно, досталось, но мы тебя отстояли – и это главное. Проколы случаются у каждого, и Штейнберг об этом знает лучше всех. Рыдать над своей поруганной честью будешь как-нибудь в следующий раз. Сейчас – получи информацию к размышлению.

Николай на мои слова никак не реагировал. Я продолжил: – Ты знаешь, мне сегодня посчастливилось познакомиться с парнем, который мне рассказал одну душещипательную историю про одну свою хорошую знакомую.

Воробьев, который обычно понимал все намеки с полуслова, пропустил все мной сказанное мимо ушей и продол-

жал рассеянно разглядывать противоположную стену. Ну, не страшно, дальше будет веселее.

– Так вот, эта знакомая приехала в Москву из сибирской деревни поступать в театральный институт и, как это часто случается, не поступила. Осталась жить в Москве, и никого-то у нее, сироты, не было, кроме одного молодого, очень молодого человека. Устроилась она работать в какое-то танцевальное шоу, и они поссорились. И перестал молодой человек навещать девушку. А когда соскучился и пришел, добрые соседи ему рассказали, что случилась с девушкой неприятность – заболела она. И вызвали ей соседи «Скорую» по телефону, который она сама им дала. Увезла «Скорая» девушку в неизвестном направлении. Пошел молодой человек в этом направлении и нашел клинику – закрытую и специализированную. Но не было в той клинике девушки – вот в чем секрет.

По мере того как рассказ приближался к своей кульминации, взгляд моего друга становился все более осмысленным.

– А звали эту девушку – Наташа Ряхова.

Николай с удивлением уставился на меня:

– Вообще-то так звали мою пациентку, которая умерла!

– Вот то-то и оно! – заметил я.

– Стоп, а кто же тогда тело забрал, если у нее в Москве никого не было, как тот парень говорит?

– Меня это тоже заинтересовало.

– А может, твой парень врёт?

– Зачем ему? Да к тому же нет у меня оснований ему не верить – уж очень он убедителен.

– Интересненько! – оживился Воробьев. – Я и думаю: что за родственники странные – никаких у них к клинике претензий. Деваха с пустячным диагнозом, молодая и здоровая – а у них к нам никаких претензий!

– Я думаю вот что. Здесь определенно какая-то собака зарыта, причем не одна. Нужно потихонечку разведать, кто в этом деле принял самое активное участие, и побеседовать с ними в непринужденной, неофициальной обстановке. А там – как веревочке ни виться...

– Так что же мы тут сидим? – взвился Воробьев. – Пойдем же обратно!

– Куда ты? Рабочий день уже кончился, ты все равно никого сейчас не найдешь.

Коля разочарованно сел на свое место и вздохнул.

– Пока составим список лиц, которые тем или иным образом имели отношение к этому случаю.

Я расстелил салфетку и достал из кармана карандаш.

– Итак, первое – дежурный на телефоне, который принял вызов «Скорой», и бригада машины, которая выехала по вызову. Второе – непосредственно ты и твоя операционная компания.

– Там все было безупречно. Все работали, как обычно, я ничего не заметил.

– Заметил – не заметил, а ты пока у нас тоже в подозрева-

емых, – поддел я Николая.

Тот снова надулся и отвернулся к окну.

– В-третьих, – продолжал я составлять «черный список», – медсестра, которая обнаружила труп. Потом идет патологоанатом, который засвидетельствовал смерть и делал вскрытие. И последний человек – тот, кто выдал тело из морга, взял расписку с родных и сделал соответствующую запись в журнал. Вот, собственно говоря, и все. Да – еще в регистратуре узнать, где данные о девушке. Таким образом, с завтрашнего дня начинаем внутреннее расследование под кодовым названием «Кто украл тело?». Звучит, конечно, довольно попсо-во, но зато очень емко. В свете всего сказанного не вижу повода, чтобы не выпить!

Подведя итог, я поднял рюмку и выжидающе посмотрел на Воробьева. Тот, как замороженный, рассматривал испитую мной салфетку и пить не собирался. Пришлось опрокинуть рюмку мне одному.

– А ты парню сказал, что произошло? – вдруг спросил Николай.

– Нет, – ответил я, морщась и закусывая бутербродом. – Честно говоря, духу не хватило. Я у него просто телефон взял – на случай, если что-то узнаю.

– Нехорошо это, нехорошо, – покачал головой Воробьев и стал задумчиво жевать салат.

ГЛАВА 5

– Семенов! Это ваша машина по вызову выезжала восемнадцатого?

Семенов, который в нашей клинике тоже работает без году неделя, напрягся от моего вопроса.

– А что? – осторожно спросил он.

– Да нет, собственно говоря, ничего. Мне просто узнать надо – ваша бригада девушку забирала с улицы Подбельского? Ее фамилия Ряхова, диагноз – острый приступ аппендицита.

Семенов недоверчиво посмотрел на меня бесцветными глазами и промямлил:

– Ну да, наша.

– Рассказывай, – безапелляционно велел я ему.

– А что рассказывать? Приняли вызов, поехали, забрали, привезли...

Видимо, Семенов не отличался богатым воображением и уж точно не был ни хорошим собеседником, ни сколь-нибудь художником в душе.

– Замечательно. Тогда подскажи мне: кто «Скорую» вызвал и вызов оплатил?

– Соседи вроде бы.

– Что-нибудь особенное произошло, когда вы там были? Вы что-нибудь заметили?

Я мог бы и не спрашивать – ответ мне был известен заранее.

– Да чего ж необычного? Приехали, на носилки положили, привезли...

– Ты сам там был? В квартире, в смысле.

– Вроде был...

– Так вроде или был?

Семенов надолго задумался – я уже подумал, что он забыл о моем присутствии.

– Ой, – вздохнул он наконец. – Много вызовов тогда было. Нет, на том вызове поднимался хирург и медсестра. Мы с Петровичем в машине отдыхали.

– Понятно, – протянул я. Ничего более интересного от Семенова мне не добиться.

Следующим пунктом программы была регистратура. В памяти компьютера записей о девушке не обнаружено. Дознаваться, кто мог их удалить, бесполезно. Насколько я понял, доступ к банку данных имеет любой сотрудник клиники, если может пользоваться компьютером. А машинами этими снабжен практически каждый кабинет мало-мальски значительного лица. Опрашивать персонал регистратуры, который дежурил в тот день, не имело никакого смысла – очень много привозят за день людей на «Скорой», чтобы кто-то обратил внимание на отдельный случай.

На всякий случай я зашел к Хоменко и проконсультировался с ним по этому поводу еще раз.

– Слушай, Хоменко. Ответь мне, как хакер ламеру, – надежно ли попрятаны в нашей клинике базы данных?

Хоменко ожесточенно щелкал клавишей «мыши», заставляя обросшего мышцами монстра на мониторе палить из пистолета, как заведенного. Ответил на мой вопрос минуту спустя:

– Ну, знаешь, Владимир Сергеевич, ты не в Пентагоне.

– Что ты имеешь в виду?

– А, черт! – отреагировал Хоменко на что-то произошедшее в игре. – погоди, Ладыгин, сейчас засеивлюсь.

Проделав это загадочное действие, Хоменко наконец осмысленно посмотрел на меня.

– В смысле того, что даже в Пентагоне никто не гарантирован от утечки информации. А в нашем медпункте специального назначения сеть гораздо проще устроена, я тебя уверяю. А ты почему спрашиваешь?

– По кочану. Ты мне скажи вот что. Все вызовы «Скорой» у нас фиксируются «а» – на магнитофонной ленте, которая хранится сутки, и «бэ» – в компьютере регистратуры. Так?

– Так, – кивнул Хоменко.

– Скажи мне, если кто-то захочет, чтобы сведения исчезли из регистратуры компьютера, ему для этого что придется сделать?

– Для этого ему достаточно войти в сеть и стереть нужный файл.

– Неужели так просто?

– Ну, не так просто, конечно. Нужно знать пароль, название файла...

– А кто у нас знает пароль?

– Да все, у кого компы по кабинетам стоят. Некоторым невеждам вроде тебя установлен вообще свободный доступ. То есть врубаешь в сеть и оказываешься, где надо. А нужный файл найти вообще элементарно – через поиск. Файлы удаляются на раз – даже скрытые, засекреченные и находящиеся на зашифрованном логическом диске. Конечно, можно их поискать в корзине или в утиле. Только если кто-то не позаботился о том, чтобы их и там не было.

– А почему все так элементарно? – снова удивился я.

– Именно потому, что мы не в Пентагоне, – устало зевнул Хоменко и снова запустил свою игрушку.

Я понял, что дальнейший разговор бесполезен. Отсутствие результата – тоже результат. Я понимал, что это невозможно доказать, но кто-то в своих интересах мог использовать чудо техники и элементарно избавляться от улики. Вот тогда я и пожалел о старой доброй системе бумажной волокиты, которая не позволяла так просто уничтожить все следы пребывания того или иного пациента в том или ином медучреждении.

Оставались дежурная сестра и патологоанатом. С сестрой должен был поговорить Воробьев, а патологоанатома было решено опросить вдвоем с Воробьевым – я не силен в хирургии, и мне было бы довольно трудно сопоставить факты.

Встретив Николая в переходе, я повел его во владения патологоанатома. По дороге он мне рассказал, что медсестра утверждает, что она нашла девушку мертвой, когда заступила на дежурство с утра. Она пошла на обычный обход, разнести лекарства, и увидела, что новенькая лежит на кровати в неестественной позе и не подает признаков жизни. Тогда сестра немедленно пригласила врача – это был дежурный хирург Головлев. Именно он и засвидетельствовал факт смерти. О ее причинах стало известно только после вскрытия. Мы нашли нашего главного «потрошилу», как за глаза называли его студенты-медики, за поглощением пирога с яблоками. Власов был явно недоволен нашим визитом, который обещал испортить ему пищеварение.

Не дав ему возможности возмутиться вслух, я, пока он прожевывал последний кусок, сразу же начал атаку:

– Приятного аппетита, Семен Леонидович! Вы не могли бы уделить нам несколько минут?

Власов покосился на меня налитым кровью глазом, и взгляд его был красноречив. После такого сразу же в голову приходила мысль, что в случае внезапной смерти мое тело будет разрезано на части и передано в анатомический театр. Решив, что этим взглядом он сказал мне все, Власов отвернулся и снова предался сосредоточенному жеванию.

Воробьев растерянно посмотрел на красную шею патологоанатома, потом вопросительно – на меня. Я, знакомый с особенностями местного персонала, не обратил на происхо-

дующее никакого внимания. Позволил себе придвинуть ближайший стул, уселся на него и предложить второй другу. Нам просто нужно было переждать, пока человек не закончит обедать.

Доев пирог и смахнув крошки в ладонь, Власов, по-прежнему молча, встал и тщательно вымыл руки. После этого он повернулся к нам и невозмутимо спросил:

– Вы что-то хотели у меня спросить?

Он переводил взгляд с меня на Воробьева, будто пытаюсь взглядом прощупать наши с ним мышцы.

– Да, – отважно начал я. – А именно – вы занимались вскрытием умершей прошлой ночью девушки?

Патологоанатом посмотрел меня с большим интересом. Он шумно вздохнул, как племенной бык, и грузно уселся в кресло. Еще раз осмотрел меня с головы до ног, и я порадовался, что его не допускают к живым пациентам.

– Ну, – утвердительно кивнул головой он.

– А не могли бы вы рассказать о том, что вы увидели, когда делали вскрытие.

– Кишки, – грубо буркнул Власов.

Воробьев нервно закрутил головой, а я, поняв, что над нами просто издеваются, немного растерялся.

– Замечательно, – наконец выдавил из себя я. – А не могли бы вы немного подробнее рассказать о результатах вскрытия?

Власов молча достал откуда-то заключение и результаты

освидетельствования трупа, которые были нам уже знакомы. Я молча прочитал то, что мне было уже известно, поразглядывал с минуту росписи патологоанатома и дежурного хирурга, а потом снова обратился к Власову:

– То есть, кроме того, что больная умерла от внутреннего кровоизлияния, вы ничего больше нам сообщить не можете?

Власов развел руками – мол, чего уж там, что мог, то и написал.

– Скажите, – начал Воробьев, – а с чего вы взяли, что кровоизлияние произошло от неправильно наложенных швов?

Патологоанатом всем корпусом повернулся к хирургу и посмотрел на него так, будто тот только что материализовался из воздуха.

– Это было очевидно, – произнес он тоном, не терпящим возражений.

Мне подумалось, что мы здесь теряем время. Но напоследок решил все-таки рискнуть:

– А вы не знаете, кто выдал тело девушки и кто его забрал?

– Меня там не было, – все так же емко отвечал нам Власов.

– Спасибо вам большое. Вы нас очень выручили, – сказал я, поднимаясь со стула.

– Да чего уж там, – зевнул он в ответ. – Заходите еще.

Мы вышли в коридор, и Воробьев начал громко чертыхаться и пинать все попадающиеся по дороге мусорки, чем в конце концов вывел меня из задумчивости.

– Да успокойся ты! – поймал я его за полу халата. – В дан-

ном случае мы имеем нормальный результат. Никто ничего не знает, и никто ничего не видел. Поэтому смело можно брать на заметку всех подряд. А вот патологоанатом – фигура наиболее странная в этом деле. Он либо больше всех знает, либо просто человек тяжелый. То, что здесь не чисто, ясно с первого взгляда. И кто-то роет под тебя – тоже ясно. Так что – держи ухо востро. Операции рекомендую делать заведомо на «отлично». Попроси у завхирургией присутствовать и контролировать – чтобы не было потом никаких вопросов.

Воробьев мрачно посмотрел на меня, и в его глазах можно было прочесть молчаливый протест. Я его понимал: такому виртуозу скальпеля работать под наблюдением начальства – унижение выше среднего.

– Надо, Коля, надо! – строго потрепал я его по плечу. – Скажи спасибо, что я не предлагаю тебе по ночам дежурить у кроватей пациентов.

Николай вздохнул и, хмуро улыбнувшись, пробормотал:

– Я всем богатым клиентам посоветую с собой телохранителей брать или сиделку нанимать.

– Друг ты мой наивный! – засмеялся я. – На богатых-то никто и не покушается – не буди, как говорится, лиха, пока оно тихо. Попробуй, тронь кого – засудят и засадят всей клиникой вместе с охраной. А девчушка-то одинокая была, если верить ее парню.

– Ты все-таки думаешь, это не моя вина, что она умерла? – с надеждой спросил меня Воробьев.

– Брат, я в этом больше чем уверен. Одно только я не понимаю – кто в этом виноват и кому это было выгодно, – задумался я. – Если бы она была богатой наследницей – тогда понятно. А так – зачем ее убивать? Что с нее взять, кроме тела?

– Вот тело и взяли, – заметил Николай и, сам того не зная, высказал вслух мою мысль.

* * *

– Понимаете, Борис Иосифович, это цепь невероятных случайностей и совпадений! – Я позволял себе уже горячиться, и было видно, что Штейнбергу это не нравится. Но, как говорится, «Остапа несло».

В течение двадцати минут старался заинтересовать главного добытыми мною фактами, которые были связаны со смертью и исчезновением девушки.

Я никак не мог понять, почему Штейнберг так отстраненно и холодно слушает мой эмоциональный отчет. Оставалось только гадать. Видимо, сделав все, чтобы этот неприятный случай не был достоянием общественности, Штейнберг пытался забыть его, как страшный сон.

А я, со своим неуместным любопытством, нарушал его олимпийское спокойствие и старался пробудить к жизни его бескомпромиссную по своей природе совесть.

Штейнберг болезненно поморщился:

– Ладыгин, я вам уже сказал: на этом глупом разбирательстве можно поставить жирную точку. Родственники девушки тело забрали, и, если бы у них к нам были какие-то претензии, мы бы уже давно получили извещение от судмедэксперта, в ведении которого и находятся подобные неприятные дела. Но, Ладыгин, тишина!.. Значит, все в порядке. Если не считать того, что ваш друг потерял мое доверие.

– Борис Иосифович! Я же вам объясняю, что меня волнует туман, который развели участники вокруг произошедшего! К чему все эти тайны? Кто за всем этим стоит? Почему ни в одном документе нет ни одного упоминания о девушке? Кто выдал тело родственникам и почему не подождали Воробьева?

– Вы задаете достаточно глупые и наивные вопросы, Ладыгин, – громыхал Штейнберг. – Потеря сведений могла произойти по различным причинам – это могли быть неполадки в памяти компьютера, нерадивость работников – вы же знаете, как работает дежурный персонал по ночам. Виновные будут найдены и наказаны – вы будете довольны? По поводу тела – что я вам могу сказать? Приехали родные и потребовали – мы же не могли им отказать, правильно?

– Да нет у нее родственников, нет, в том-то все и дело!

– Владимир Сергеевич! Ну, почему вы не верите своим коллегам, а верите этому юному проходимцу? А может, она и его обманула – прикинулась сиротой и деньги из парня тянула, а? Девушки сейчас те еще, они своего не упустят...

– У меня его телефон есть – сами позвоните и спросите, если не верите! – не на шутку разошелся я.

– Ладыгин, вы шутите! – разобиделся Штейнберг. – Если честно, то вам прежде нужно своего друга подозревать, а не на меня наседать со своими глупостями. Чего вы от меня-то хотите?

– Хочу, чтобы вы, Борис Иосифович, разрешили мне разобраться в этой чертовщине! А то ни меня, ни Воробьева теперь без вашей санкции ни в одно отделение не пускают, а к моргу на пушечный выстрел не подойти!

Штейнберг даже поперхнулся от подобной наглости.

– Ладыгин! – хлопнул он ладонью по столу. – По-моему, вы переходите все границы! Вы своими прямыми обязанностями когда в последний раз занимались?

Это был удар ниже пояса – в своем кабинете я появлялся только мельком, к сильнейшему недовольству Инночки, а свои администраторские обязанности свалил на Юдина, и он, к моему несчастью, с ними замечательно справлялся. По этой причине удар Штейнберга мне пришлось пропустить – я молчал.

Штейнберг выжидающе посмотрел на меня и еще более грозно произнес:

– Думаю, больше пользы для клиники будет, если вы все-таки вернетесь к своим достаточно серьезным проблемам: ваши терапевты без присмотра совершенно разболтались, свежи еще воспоминания о скандале с этим Сергеенко.

Смотрите, второго такого случая я не потерплю, и из клиники полетите прежде всего вы. А теперь я бы попросил вас больше не отвлекать меня и не отвлекаться самому.

Все, разговор окончен. На пороге я обернулся:

– Борис Иосифович! Все-таки прошу вас – будьте внимательнее, присмотритесь к персоналу.

Дождаться его гневных комментариев я не стал.

* * *

Штейнберг проводил взглядом беспокойного завтерапией и устало облокотился на спинку кресла. Сжал голову ладонями и попытался ослабить давящий на нее горячий обруч боли.

Ему с самого начала было очень тяжело вести этот непростой разговор, который только подтверждал его опасения.

«Рыба гниет с головы», – вспомнил он народную мудрость. Ему не в чем было себя упрекнуть, он сделал все, что мог. Но оказалось, что достаточно было увольнения Карташова.

«Видимо, этого было недостаточно – зараза пошла дальше. Но куда?» Борис Иосифович закачался на кресле, нервно покусывая кончик большого пальца.

Пепел сигареты скатился на лацкан.

– Черт! – ругнулся Штейнберг, стряхивая сор с пиджака.
«Нужно последить за этой странной парочкой, – решил

он. – Нечего медлить. Не нравится мне это рвение. Мало того что Ладыгин – всем известный авантюрист, так еще этот странный, неопределенной ориентации новенький хирург. Нельзя доверять этим... Мало ли что придет в их голубые головы. Итак...»

Штейнберг придвинул к себе листок бумаги и быстро набросал план ликвидации неприятных происшествий в стенах клиники.

* * *

Я брел по коридору, и настроение у меня было отвратительное. Единственным нашим достижением было то, что теперь за Воробьевым, за его операциями установили наблюдение. Это в какой-то степени гарантировало его от безосновательных обвинений в непрофессионализме. Если кто-то решил его подставить, то ему придется очень сильно напрячься. А в остальном...

Работать мне по-прежнему не хотелось, и я снова решил воспользоваться своим преимуществом маленького начальника и пройтись до ближайшей пельменной, чтобы восстановить утраченное в борьбе со Штейнбергом внутреннее равновесие.

Спускаясь по лестнице, натолкнулся на широкоплечего детину в камуфляже. Я постарался обойти его внушительную фигуру, но мне это никак не удавалось – лестница была

слишком узка, а он не собирался уступать мне дорогу. Разозлившись, поднял голову, чтобы отчитать заблудшего «гепардовца» за неучтивость, но не успел открыть рот – что-то меня удивило в увиденном мною лице.

Первое, что бросилось в глаза, так это нетипичное для наших охранников лукавое выражение и широкая радушная улыбка. У меня промелькнула мысль, что при охранном агентстве открыли курсы повышения интеллектуальности взгляда. Видимо, осмысленность лица теперь – неременное условие профессионализма телохранителя. Я пустился в ехидные фантазии, содержание которых исчерпывалось одной фразой: «Гепард-М» – «модернизированный».

Человек в камуфляже по-прежнему преграждал мне путь, породив во мне уверенность, что осмысленность взгляда была тоже не более чем маскировкой и ни в коем случае не указывала на выдающиеся умственные способности его обладателя. И тут «гепардовец» произнес:

– Куда вы, доктор, торопитесь?

ГЛАВА 6

Я смотрел на него и не верил своим глазам: передо мной в камуфляже и с кобурой на ремне стоял Рома Ураев, Романыч, которого я потерял из виду как раз тогда, когда потерял из виду свое большое боксерское будущее. Мы занимались с ним в одной секции, у одного и того же тренера, только выступали в разных весовых категориях. С той поры, как я вопил от восторга, наблюдая за триумфальным боем Ураева с чемпионом Москвы Малолетовым, Ураев стал еще более внушителен. Просто Илья Муромец в пору расцвета – иначе и не скажешь. Я был потрясен.

– Роман! А ты-то что тут делаешь? – пробормотал я, не зная, как себя с ним теперь вести.

Он рассеял все мои сомнения, сжав мою руку по-боксерски, обеими руками, и весело ответив:

– Работаю я здесь, Ладыгин, работаю!

– Ты что, в «Гепард» подался? А как же бокс? – разочарованно поинтересовался я.

– Никакой не «Гепард», – возразил мне Ураев. – Я в независимой инкассации работаю – всю Москву на деньги развожу.

Он весело засмеялся и потряс передо мной опечатанной сумкой, которая была пристегнута к запястью наручниками.

– А спорт... – Он горько усмехнулся. – С профессиональ-

ным спортом пришлось попрощаться – разбил себе голову накануне того дня, когда должен был стать знаменитым. Представляешь, перед финальным боем за звание чемпиона России свалился со второго этажа! А после травмы уже не то, за новичками не мог угнаться...

Роман сокрушенно вздохнул.

– Да что же мы на лестнице застряли? – воскликнул я, чувствуя себя совсем уже неловко. – Пойдем в пельменной посидим – я как раз туда собирался.

– Не, я не могу – я на работе. – Роман еще раз побренчал цепочкой наручников. – Сам-то как?

– Да, как видишь, – махнул я рукой.

– А что так пессимистично? Работка, поди, неплохая, а? Вон какой холеный стал!

Он опять рассмеялся. Было видно, что его-то начальство точно не таскает за вихры.

– А-а! – опять начал сокрушаться я. – То засада, то измена. Сам знаешь – как начнется непруха, так хоть вой. Да ты бы лучше в гости ко мне как-нибудь заглянул, раз уж встретились. На вот – визитка моя.

– Спасибо за приглашение – обязательно приду, – весело отозвался Ураев. – А теперь – извини. Пора мне вашу кассу немного попотрошить.

Он козырнул и, по-прежнему жизнерадостно смеясь, зашагал вверх по лестнице.

Я зашагал по ней же – но в противоположном направле-

нии. До очередного обхода оставалось еще полчаса, и не будет большим грехом немного расслабиться.

«Вот жизнь! – думал по дороге впельменную я. – Как повернет – разве узнаешь? И все-то в ней вроде случайно, а присмотришься – оказывается, во всем есть свой глубокий смысл и какой-никакой замысел... А я и не знал, что Москва – город такой маленький...»

– Доктор! – вдруг окликнули меня, когда я скрипел подошвами по снегу уже за воротами.

Я обернулся и увидел, что ко мне через сугробы пробирается молодой человек, о котором я из-за бешеной суматохи даже немного позабыл. Кажется, его звали Дима.

– Доктор, вы что-нибудь узнали по поводу моей девушки?

Я понял, что мне в который раз за сегодняшний день предстоит неприятный разговор, и поэтому не стал торопиться с ответом. Приглашать его с собой впельменную не хотелось – еще мне не хватало испорченного аппетита. Стоять здесь на морозе – тоже не годилось. Судя по огненно-красному уху и побелевшим пальцам парня, он провел здесь уже не один час.

– Вы сильно замерзли, – показал я на его несчастные руки. – Вам нужно срочно в тепло и растереться спиртом, так и пневмонию подхватить можно.

– Ничего со мной не делается, я – закаленный, – шмыгнул носом парень. – Так вы мне не ответили, – продолжал упорствовать он.

Я тяжело вздохнул и трижды проклял самого себя за привычку лезть в дела, которые меня не касаются. «Не делай другим добра – не получишь неприятностей» – таков, что ли, принцип разумного эгоизма?

– Ничего нового и интересного для вас я не скажу. Вашей девушки здесь нет – это точно. – Я тянул время, стараясь отдалить наступление неприятного момента.

– Как же нет? – угрюмо отозвался Дима, дыша на руки. – Мне соседи точно сказали, что ее к вам увезли. Вы что-то темните, доктор.

Я сокрушенно молчал.

– Вы не думайте – я ведь все равно своего добьюсь. Я с места не сойду, пока она из этих ворот не выйдет.

Я представил, как этот немой замерзший пикетчик торчит у входа в клинику до тех пор, пока его окоченевший труп не подберут наши «веселые» санитары. Да, перспектива не из блестящих. Что делать – придется взять на себя неприятную миссию. Что там отрубали гонцу с плохими вестями?...

– Она не появится, – грустно сказал я и посмотрел парню в глаза.

– В смысле? – все еще не понимал он.

– Пошли. – Я взял его за локоть и повел к пельменной.

* * *

Менее чем через час все уже закончилось – злость, отча-

яние, слезы. Он сидел передо мной совершенно опустошенный. Я смотрел на него и думал, какие мысли сейчас роятся в его голове и что он предпримет, после того как проспится.

– Почему она умерла? – в который раз спрашивал меня он.

– Неизвестно. Может быть, это просто случайность, а может быть, и неслучайность, – честно ответил я.

Он стукнул по столу кулаком, с трудом встал со стула и, нетвердо ступая, пошел к выходу. Мне почему-то не хотелось его удерживать. Я посидел еще минут пять, размышляя над превратностями человеческой жизни, расплатился по счету и, глянув на часы, понял, что на вечерний обход уже не успею. Решил добраться до ближайшего телефона и предупредить Инночку, чтобы прикрыла тылы, а самому поехать в свою пустую квартиру и просто лечь спать. Так будет лучше.

* * *

Он ковылял по рыхлому снегу и икал от голода, проклиная про себя эту шарашкину контору. Сегодня с утра он решил, что пойдет туда в последний раз, и, если толку не будет, он просто прекратит...

Мужчина не торопился – ему было некуда спешить. Дома его ждали неуютные и едва отапливаемые комнаты, давно уже отключенный холодильник и невыносимая тоска.

Он шел по ярким улицам высокомерной Москвы и пони-

мал, что этот город, в котором он родился и жил, в котором родились и жили его родители, стал для него чужим. «Я – чужой на этом празднике жизни», – снова и снова повторял он, спускаясь по скользким ступеням в метро, стараясь не вдохнуть в себя ароматный воздух, который волнами наплывал от ларька с горячими сосисками.

Израсходовав последнюю карточку метро, он глубоко призадумался над тем, как неприятно и холодно зимой ходить пешком – а он живет так далеко от центра.

В вагоне согрелся, даже немного вздремнул, и во сне ему привиделось, как они счастливо и благополучно живут в белом домике над синей рекой с женой Валентиной и дочкой Настей.

Он проснулся от металлического голоса из динамиков и понял, что уже давно проехал свою остановку и придется пересаживаться.

Придя домой, первым делом заглянул в холодильник, будто за время его отсутствия в нем могла вырасти еда. Ничего не обнаружив, равнодушно поставил на плиту закопченный чайник и в который раз стал перебирать различные повестки и извещения, которые наряду с рекламными буклетами только и наполняли его почтовый ящик.

– Да, Лопухов, – строго сказал он себе. – Уж попал так попал!

Он скомкал все бумажки в большой ком и бросил в пустое помойное ведро.

– Ниче, Анатолич, – приободрил он самого себя. – Прорвемся, и город будет наш!

Привычку разговаривать с самим собой он приобрел вскоре после развода, когда из его дома ушла жена с дочерью, мебелью, деньгами и радостью жизни.

Почему так произошло и кто в этом виноват, Лопухов перестал себя спрашивать уже давно. А что было спрашивать – и так все понятно. Просто бывают в жизни неудачники – кому-то ведь надо быть неудачником?

Лопухов считал совершенно справедливым, что именно ему выпал этот горький жребий – все время видеть счастье со спины. Правильно, а чем он заслужил иное?

Он был некрасив, не умен и хронически небогат. Все, что происходило в его жизни, легко помещалось в рамки стандартной обывательской биографии: «Родился, учился, женился». Последний пункт Лопухов считал редкостным счастьем для человека, хотя и этим счастьем наслаждаться ему пришлось недолго.

Почему не любили женщины Лопухова – это было понятно, но за что его еще невзлюбили и деньги? Ни на одной, даже самой захудалой работе Лопухов не задерживался дольше месяца, а почему – тоже никто не знал. Вроде и работает прилежно, и не прогуливает, и ни капли спиртного в рот. А вот поди ж ты – как увольнять кого-то надумают, так начинают именно с Лопухова. И что тому виной – неприглядный его облик, манера гнусаво разговаривать или не очень бла-

гозвучная фамилия – не мог бы разобраться никто.

Теперь вот еще с квартиры должны были погнать за неуплату. И ведь погонят – будьте уверены.

Нельзя сказать, чтобы Лопухов смирился. Он пытался спасти себя от хищных челюстей злого города, он боролся. Но чувствовал себя все время одураченным, как та лягушка, которая не пыталась взбить из сметаны масло и потому утонула. Сегодня он в последний раз ходил на биржу труда, где ничего нового и радостного ему не сказали. По-прежнему вперед выбивались молодые и наглые приезжие, которые готовы были порвать на кусочки любого и шли на все, чтобы только зацепиться в Москве. Он, как коренной житель, обладавший хоть малой толикой собственного достоинства, считал такое поведение неприличным и знал себе цену.

– Чтобы я на такое пошел да за такие гроши!.. – привычно возмущался он, покидая ненавистное ему учреждение.

«Вот и сиди теперь голодный со своим достоинством», – говорил ему нудный внутренний голос, который обычно являлся вместе с голодными завываниями желудка.

Лопухов плеснул кипятка в чашку с отколотой ручкой, достал из духовки пару сухариков и расстелил на столе газету с рекламными объявлениями.

«Может, работу какую найду», – продолжал надеяться он.

ГЛАВА 7

– Все прошло прекрасно – клиенты довольны. Вы получите, что вам причитается, в полной мере, когда выполните следующее задание.

– Мне бы хотелось иметь какие-то гарантии – дело это довольно серьезное. И много народу приходится привлекать – а это деньги, деньги и снова деньги – вы же понимаете.

– Ну, расходовать можете сколько угодно – мы вам все возместим. И, кстати, какие гарантии вам нужны? Вы же не хотите с меня расписку взять, а? «Выдано такому-то от такого-то числа...» и так далее. Вы этого хотите? А потом и вашему начальству копию – р-раз, если вы вдруг станете не таким покладистым.

– Я думал, что...

– Пусть лошадь думает – у нее голова большая. А вы – работайте, работайте, друг мой. И вам это зачтется. Когда планируете нас осчастливить в следующий раз?

– Как и договаривались – в среду ночью.

– Вот и славненько. А теперь, я думаю, вам пора, а то кто-нибудь хватится.

– До свидания.

– До скорой встречи, доктор.

Он смотрел на темно-бордовый столбик крови, который медленно поднимался в шприце, вонзившемся в его разбухшую вену.

– Доктор, а у нас правда все получится?

– Не нервничайте, Виктор Анатольевич, все будет в порядке.

– А как с деньгами? – продолжал елозить пациент, сгибая руку и морщась.

– Деньги получите, после того как мы все успешно закончим.

– А это не опасно?

– Я же вам говорил – сумма, которую мы вам выдадим, с лихвой покроет все ваши переживания, моральные и физические издержки. – Врач дописал направление и протянул его больному.

– И куда мне теперь? – спросил тот, все еще не придя в себя от того количества процедур, которые ему сегодня пришлось пройти.

– Там написано: 321 кабинет, к терапевту, – спокойно проговорил врач, стягивая с себя стерильные перчатки.

– Спасибо вам, доктор, спасибо. – Мужчина неловко встал, грохнув стулом об пол, и неуклюже попятился к двери.

– Собака лает – караван идет, – лукаво объявил Колесняк, доставая из-под халата бутылку со спиртом. – А ты боялся – «дежурная, дежурная», – подтрунил он над товарищем. – Ловкость рук – и никакого мошенничества! Наливай, фотограф!

Фесякин, воровато озираясь, прокрался в коридор, выглянул за угол и так же осторожно прикрыл за собой дверь.

– А почему – фотограф? – тупо спросил он у Колесняка, который уже ловко нарезал скальпелем копченую колбасу на расстеленной клеенке.

– Не знаю, – откликнулся тот. – Фотограф – и все. Ну, ты же опять напрягся? – спросил он у вновь подскочившего санитаря.

– Да ну тебя. Ты, Костян, у нас человек новый и не знаешь, как тут напрягают. А у меня уже было последнее предупреждение. После этого – докладная в деканат – и кирдык!

– А-а, расслабься, – поморщился Костян, облизывая пальцы. – Кто тебя, сердешный, ночью здесь увидит?

– Не скажи, – ответил Фесякин, разливая спирт по менzurкам. – Полна клиника народу: всякие дежурные медсестры, реаниматоры, бригада хирургов, «Скорая»...

– И все сидят себе и мирно квасят, – продолжил Колесняк и опрокинул жидкость в рот. – Я тебе что, Коля, скажу, –

продолжал он, смачно пережевывая бутерброд. – Ты меньше потей – меньше пахнуть будешь. Ты что, не знаешь, как все медики пьют?

– Да брось ты, Костик! У нас здесь элитная клиника, тут все строго.

Колесняк снова махнул рукой и налил еще по одной:

– Все, закрыли тему. Погнали.

Выпили. Потом – еще выпили, и еще. Пока не услышали торопливые шаги по коридору.

Фесякин вытаращил глаза и замер с мензуркой в руке. Колесняк шустро смахнул все со стола на пол, а бутылку засунул в шкафчик. Потом посмотрел на друга, охнул и выхватил из его руки мензурку. Тут же распахнулась дверь, и в комнату ввалился хирург. Глаза его блуждали, а на бледном лице блестели капельки пота.

– Вы чего тут расселись! – срывающимся голосом заорал он. – Ну-ка, быстро за носилками и в операционную!!!

Санитары сорвались со своих мест и, умело разыгрывая рвение, помчались по пустынным коридорам за широко шагающим хирургом.

– Быстро! – зашипел он на них, пропуская их впереди себя.

Помещение уже было пустым. Окровавленные инструменты плавали в кювете, на полу валялись тампоны и обрывки марли. На столе, плотно завернутое в простыню, лежало длинное тело.

– Отнесите во двор, – командовал хирург. – Дождетесь, когда к воротам подъедет машина. Из нее выйдет человек и пройдет в здание. Только после этого подойдете к машине и положите тело. Все ясно?

Санитары дружно закивали, радуясь, что в операционной стоит такой удушающий запах физраствора, сквозь который их перегару просто невозможно пробиться. Они дружно подхватили уже застывающий труп, уложили его на носилки и поспешили по коридорам, будто за ними гнались волки.

В том же бодром темпе они промчались во двор и побежали по территории к воротам. Фесякин бежал первым и вдруг запнулся от неожиданности: сзади раздавался хохот. Он оглянулся через плечо и увидел, что Колесняк просто заходится от смеха, перегибаясь пополам и раскачивая носилки.

– Ты чего? – остановился Фесякин.

– Ой, не могу! – продолжал заливаться Колесняк. – Ты знаешь, – сквозь смех выдавил он, – на кого мы с тобой похожи? Помнишь, мультики раньше начинались: там такие две обезьяны бегемота на носилках несли-несли, а потом как побегут!.. Ха-ха-ха! Так и мы с тобой... С бегемотом!..

Колесняк бухнулся на колени и продолжал умирать со смеху.

– Уже без бегемота, – упавшим голосом сказал Фесякин, поставив носилки на землю.

Колесняк внезапно успокоился и непонимающе посмот-

рел на друга:

– Что ты сказал?

Фесякин молча показал на носилки – они были пусты.

– Это как? – удивленно спросил Колесняк, поднимаясь и осматриваясь.

– Так! – зло ответил медленно трезвеющий Фесякин. – Потеряли мы жмурика, пока ты ржал, – вот как! Че встал?! – заорал он на Колесняка. – Ищи, падла, а то нам щас такое будет!

И стал сам ходить кругами и пинать снег. Колесняк пошел назад по следам, всматриваясь в темноту. Не тут-то было: искать труп, завернутый в белую простыню, зимней ночью в снегу – все равно что черную кошку в темной комнате, даже если ты знаешь, что она заведомо там есть.

Чертыхаясь и ругая друг друга, они перелопатили весь двор. В это время раздался шум мотора, и к проходной подъехала машина. Из нее вылез высокий человек и пошел по направлению к главному входу. Санитары присели на снег и притаились.

– Вот оно, – прошептал Фесякин.

Колесняк мучительно икнул.

Из машины выпрыгнул водитель и стал ходить вокруг, оглядываясь и делая вид, что осматривает колеса.

Санитары переглянулись.

– Что будет теперь? – жалобно спросил Колесняк у друга. Тот показал ему большой кулак с разбитыми костяшками.

Колесняк пикнул и умолк.

Из клиники вышел кто-то в белом халате и быстро подбежал к машине, передав шоферу какие-то коробки. После того как он скрылся, вышел высокий незнакомец, сел в машину, и она тронулась.

Санитары снова переглянулись, вздохнули и закурили.

– Дела-а! – протянул Колесняк и поерзал задом по снегу.

Фесякин молчал. Колесняк снова попытался устроиться поудобнее и чертыхнулся:

– Вот, черт! Даже на снегу – и то жестко сидеть.

Он долбанул кулаком в снег и взвыл от боли.

– Блин! Тут что-то жесткое, – заныл он, потирая руку и поднимаясь.

Фесякин пощупал то место, на котором сидел его напарник, и тоже подскочил как ужаленный. Они вгляделись в снег. Из сугроба торчал кусок замороженной простыни.

– А вот и наш жмурик, – ласково протянул Фесякин.

– И что мы теперь делать будем? – с ужасом спросил Колесняк.

– Давай рассуждать здраво. Нам труп куда отнести сказали? Правильно – в машину. Машина – что? Машина уехала. И что – не оставлять же его на морозе, правильно? Все равно весной найдут – то-то будет праздник! Самое место для трупа где? В морге. А если кому-то надо его отвезти на машине – то его проблемы. Будет ему еще и машина, и танк с поездом. Что смотришь? – спросил он побледневшего от

всего пережитого Колесняка, который порастерял большую долю своей самоуверенности. – Грузи давай! – прикрикнул он, хватая тело за ноги.

Колесняк вышел из столбняка и стал помогать другу.

* * *

Сегодня я решил для себя твердо – начинаю новую жизнь. Что-то мне подсказывало, что моей спокойной обывательщине настает конец. В воздухе носилось предчувствие того, что скоро мне понадобится больше, чем медицинский авторитет.

Именно поэтому утро началось с легкой пробежки, боя с тенью и холодных обливаний.

Готовя себе легковатый для отвыкшего от аскетизма организма завтрак, я почувствовал давно забытое напряжение в мышцах. Я с радостью подумал, что завтра они будут жутко болеть, чем приятно напомнят о своем существовании.

То, что я теперь просыпался по утрам один и шлепал босиком по холодному линолеуму в ванную, чертыхаясь и щурясь от солнечных лучей, имело свои плюсы. Я ни о чем не заботился, не напрягался, копил в себе силу и даже мог позволить себе носить любимые семейные трусы, которые моя любимая женщина не переносила на дух. И пусть не любит!

Я откупорил банку яблочного сока с мякотью и стал задумчиво пить кислую жидкость, время от времени морщась

– видимо, кислотность у меня повышенная, нужно на минералку переходить.

Потом я не торопясь побрился, оделся и решил пройти пару остановок пешком. Светило пронзительное зимнее солнце, и к небу поднимались облачка пара от мерзнувших на остановке людей. Я позавидовал самому себе – мне не придется толкаться в автобусе и портить настроение. У меня есть время обо всем подумать.

Впрочем, думать было пока не о чем – все утихло. Но надолго ли?

Попав через два часа в кабинет к моему любимому начальству, я понял, что предчувствия меня не обманули.

– Что, – спросил меня первым делом Штейнберг. – По собственному желанию заявление напишете или мне вас по статье уволить?

Так – это уже серьезней, чем я думал. Что, мои подчиненные пожаловались на отсутствие начальственного пристального внимания и моей твердой, но справедливой руки? Интересно, у Штейнберга, может, и в пельменной весь персонал подкуплен?

– Конечно, по собственному, – смиренно ответил я ему. – Вы только хотя бы намекните, почему это я у вас работать жутко не захотел?

– Вот уж не знаю: что это с вами такое произошло? – съехидничал Штейнберг.

«Молчать, Ладыгин, молчать!» – уговаривал я себя, пони-

мая, что сейчас не повод состязаться с ним в остроумии.

Штейнберг медленно прохаживался по кабинету, напоминая своими повадками проголодавшегося льва-людоеда.

– Ладыгин, я же вам не раз давал шанс исправиться, одуматься и посерьезнеть наконец. Я понимаю, что вы неплохой врач. Но неужели вам трудно попросить меня, чтобы я избавил вас от некомпетентных сотрудников, если вы с этой задачей сами не справляетесь? Зачем заводить все так далеко?

Я продолжал безмолвствовать и только переводил взгляд со сверкающих глаз Штейнберга на ковер под его ногами.

– В общем, я увольняю вашего Юдина и вас вместе с ним.

– Борис Иосифович, а за что? – осмелился поинтересоваться я.

– И вы это у меня спрашиваете? – Не получив и на этот раз ответа, Штейнберг продолжил: – В конце концов, я вас уже однажды предупреждал. Ваш Юдин – отвратительный врач, а вы, Ладыгин, – отвратительный администратор. В этом вся проблема.

Я хотел было возразить, что, в общем-то, не очень стремился к тому, чтобы попасть на эту должность. Но мне пришлось промолчать – время было не слишком подходящим для выяснения подобных вопросов.

– Что опять наделал этот злосчастный Юдин? – только и спросил я.

– А вы у него сами спросите – или вы ожидаете, что я у вас буду за секретаря?

– Тогда я пойду, Борис Иосифович?

Он промолчал и отвернулся к окну. Я понял, что меня увольнять не хотят, но Юдина здесь больше терпеть не будут.

Вызвав к себе Юдина, я со скорбью в голосе сообщил приговор начальства. Он закатил глаза и простонал:

– Господи, да что у вас тут за дурдом?

– В смысле? – не понял я.

– Почему здесь никогда ни о чем не спрашивают, а сразу выносят какие-то кардинальные решения? Здесь что – святая инквизиция у руля? – разозлился он.

Я предложил ему немного успокоиться и выложить все по порядку, не затрагивая начальство и, по возможности, не нервничая. Юдин с минуту помолчал, зло глядя в потолок, а потом сбивчиво стал рассказывать, что его сегодня с утра пораньше вызывали в кабинет к главному, где в присутствии работников хирургии обвиняли в том, что он не способен правильно поставить диагноз.

– Завхирургией орал, как ошпаренный, Штейнберг носился по кабинету и кричал: «Это – безобразие!» Я не мог добиться от них ничего конкретного, пока мне хирург не рассказал, из-за чего сыр-бор разгорелся. Оказывается, ночью на «Скорой» привезли пациента с острым приступом язвенной болезни. Ну, и сразу оперировать, конечно. А он возьми и умри от сердечного приступа... – Юдин замолчал, глядя на меня обескураженно.

– Ну, а вы-то тут при чем?

– Вот и я сперва не понял. А они мне карточку суют в нос. Оказалось, это мой пациент. Он ко мне приходил накануне с жалобой на желудок. Я послал его на гастроскопию. Посмотрели – все нормально, здоров, как бык, только кислотность слегка повышенная. Поводов для беспокойства не было никаких – не было у него язвы. Я ему, естественно, профилактические процедуры прописал и отпустил подобру-поздорову. А его на следующий же день – на «Скорой» к нам. Как такое может быть – никто не знает. Да еще у него сердце слабое оказалось. Они на меня: почему кардиограмму не сделал? Интересные такие! Я же его на операцию не посылал, правильно? Передо мной такая задача не стояла. А они бы и сами могли подсуетиться, если такие умные.

– Вы им так и сказали? – ужаснулся я.

– Нет, конечно, – успокоил меня Юдин. – Но я им настоятельно посоветовал разобраться с хирургом. Только, видимо, я крайним и останусь.

– Прекрасно, прекрасно! – протянул я. – Никуда отсюда не уходите. А лучше – идите пока к моргу, а я попозже спущусь. В разбирательстве подобного рода, как показывает опыт, лучше действовать, не теряя ни минуты!

Я оставил недоумевающего Юдина и понесся к Штейнбергу. Постучавшись и войдя, я с порога начал свою разгневанную речь:

– Борис Иосифович, я не понимаю – что у нас происходит?

Главный буквально окаменел в своем огромном кресле от неожиданности. Я понял, что Юпитер сейчас отлупит обнаглевшего быка, но мне было уже нечего терять – либо пан, либо вообще – выгонят.

– Интересная картина получается – люди мрут под ножом хирурга, а влетает за это исключительно терапевтам. Очень логично! Вы же сами знаете, что это не первый случай подобного рода, так почему же обвиняют человека, который имеет к его смерти весьма косвенное отношение?

– Пойдите, Ладыгин! Вы что-то совсем зарвались. Ваш терапевт просмотрел язву у пациента, и он в результате оказался на том самом хирургическом столе, на котором и умер, – это факт, с которым не поспоришь.

– То есть вы доверяете сведениям, которые поступили к вам от хирурга, а то, что сам лечащий врач утверждает обратное, – этого вы во внимание не принимаете?

– Но, милейший, ваш врач уже однажды прокололся – как я могу ему верить? А в хирургии у нас работают люди опытные, с безупречной репутацией – если не считать вашего друга, но он теперь под наблюдением завхирургией.

– При чем тут кто и сколько заслужил? Нужно разобраться до конца, иначе мы никогда ничего не поймем. Ни того, отчего умер этот мужчина, ни того, кто забрал труп той девушки!

– Вы хотите сказать, что эти случаи как-то взаимосвязаны? Вы просто бредите, дорогой мой. Ваши успехи на почве

всяческих расследований немного повредили вашему здравому рассудку – и это печально. Если вам мерещится везде преступный замысел или у вас просто руки чешутся набить морду каждому подозрительному в этой клинике, то, боюсь, мне придется вас рекомендовать на место районного следователя, а ваш пост передать человеку, более для него подходящему, – весомо закончил он.

– Делайте со мной что хотите, Борис Иосифович, только разрешите присутствовать на вскрытии, – покаянно попросил я.

– А вскрытие уже произвели – прямо сразу, – спокойно отозвался он.

– Тогда пусть произведут еще раз – нужно же еще освидетельствование судмедэксперта. Вот давайте и облегчим ему работу. Пока родственники труп не забрали, – настаивал я.

– Хорошо, Ладыгин, если вы хотите закончить свою трудовую деятельность подобным фокусом, дабы войти в анналы, то можете доставить себе подобное удовольствие!

– Благодарю вас, уважаемый Борис Иосифович! Ну, я пойду в морг?

– Постойте, Ладыгин, не спешите. В морг вы пойдете в сопровождении завхирургией и патологоанатома, иначе – мало ли что в вашу буйную голову придет?

Мы стояли и молча смотрели на все это, не понимая, что же такое происходило здесь. Завхирургией был очень бледен, Юдин едва сдерживался от истерического смеха, а я смотрел на вспотевшего патологоанатома и понимал, что тот еще меньше меня что-либо понимает. А ему-то как раз и был задан сакраментальный вопрос:

– И что это означает?

– Это вы у меня спрашиваете? – ошарашенно спросил патологоанатом у завхирургией.

– А у кого же? У завтерапией? – съязвил тот, расстегивая верхнюю пуговицу халата.

Я разглядывал разрезанный труп и чувствовал себя очень дурно. В образовавшийся в брюшине просвет можно было видеть, что у мужчины отсутствовала добрая половина внутренних органов.

– Здесь кто-то неплохо поработал скальпелем, – мрачно пошутил патологоанатом, делая еще один надрез.

– Интересно, кто у нас по моргам работает скальпелем, если не вы? – продолжал язвить завхирургией. – Ваша подпись стоит на заключении о причине смерти?

– Нет, – хладнокровно ответил патологоанатом, продолжая осмотр, – не моя. Власова. А! – радостно воскликнул он. – Сердце на месте. Можете убедиться сами: видите вот

это? Да, я могу подтвердить, что причиной смерти явился сердечный приступ. По поводу желудка я вам ничего сказать не могу – его попросту тут нет, смотрите сами.

– Куда же могли деваться остальные органы, вы можете нам сказать? – сдерживаясь, чтобы не отвернуться, спросил я.

– Интересный вопрос, – патологоанатом продолжал копаться внутри тела. – Кому они могли понадобиться? Вероятнее всего, мужчина был одинокий, так?

– Так, – подтвердил завхирургией.

– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул патологоанатом. – В таком случае его должны в лабораторию судмедэкспертизы отдать – на опыты. Только, конечно, не сразу. Видимо, срочно что-то понадобилось – вот и отрезали.

– И часто это у нас практикуется – такое вот? – Завхирургией неопределенно повел рукой.

– Часто – нечасто, но бывает, – уверил его патологоанатом. – Нам тоже чем-то жить надо, правильно? А там деньги за трупы дают неплохие.

Завхирургией даже покраснел от злости.

– Скажите, а девушку, которая с неделю назад умерла, тоже на опыты отдали?

– Не знаю, может, и отдали – не в мое дежурство было.

– Понятно-о, – протянул завхирургией. – И что, вы долго хотели вот так безобразничать?

Патологоанатом ничего не ответил.

– Ну, все посмотрели? – обратился он к нам. – Тогда зашиваю.

– Черт знает что! – ругался Лямзин, поднимаясь по лестнице. – Это не клиника, а бордель какой-то! Патологоанатомы воруяют трупы – вы это представляете! Уволю всех к чертовой матери!

– А новые снова начнут, – отозвался я. – Тут дело в принципе. Вы пока не слишком бушуйте – это дело еще требует разбирательств. Возьмите, кроме хирургов, еще и патологоанатомов под наблюдение. Усложните доступ к моргу – поставьте туда еще кого-нибудь. А с другой стороны – вам не наплевать?

Лямзин с подозрением посмотрел на меня и ничего не ответил.

* * *

Мы с Лямзиным убедили Штейнберга, что дело с умершим мужчиной неясное, подозрительное и требует дополнительного разбирательства. Главный уже успокоился, переговорел и об увольнении Юдина больше не заикался. По предварительной договоренности с завхирургией о самоуправстве патологоанатомов было решено пока не говорить – пока сами во всем не разберемся.

После этого я отправил Юдина на боевой пост, а сам забаррикадировался на пару с Воробьевым и рассказал ему

продолжение занимательной истории про похищенных мертвецов. Для прикрытия мы прихватили из картотеки пару ящиков, сообщили Инне, что будем заносить данные по больным в память компьютера, и попросили нас не беспокоить.

– Как ты думаешь, это и есть разгадка всего? – спросил Воробьев, казалось, разочарованный таким банальным концом занимательной и жуткой истории, которая сулила неожиданные развязки и громкие разоблачения.

Я свалил бумажки на диван, мельком подумав о том, сколько пива придется проставить Хоменко, чтобы он сделал все за меня, и ответил Воробьеву:

– Ты знаешь, это может быть разгадкой только части головоломки. Не все куски к ней подходят. Больше всего меня интересует участие в этой истории хирургического отделения. Нужно так же проверить, туда ли ушли тело и органы, куда указывают патологоанатомы. И потом – откуда в нашей больнице такой наплыв одиноких, малоимущих и жизнью потрепанных людей? Я понимаю – новомодная социальная программа Штейнберга, но все же – почему именно они мрут как мухи в этой зловещей хирургии и зачем им тень на плетень наводить, пытаясь избавиться от меня, от тебя и моих подчиненных?

– Ну, ты загнул! – восхитился Воробьев. – У тебя какие-то параноидальные наклонности появляются – тебе не кажется? Кто это от тебя избавиться пытается, ты что?

– Интересно, а иначе меня стали бы каждую неделю увольнять – как ты думаешь? Кому-то я покою не даю – но кому?

ГЛАВА 8

Промерзший за ночь мотор никак не хотел заводиться. Инкассатор ругал всех на чем свет стоит: «Блин, такие бабки возим, и что – не могли антифриз залить вовремя и масло поменять на что-нибудь попрличнее?!»

«И надо было водиле заболеть как раз в мороз! И что мне теперь – за него масло менять и с двигателем мучиться?»

Чертыхаясь, он вылез из кабины и начал дуть на пальцы, предвидя, что с двигателем придется бороться только горячей водой. Где же ее взять в три часа ночи?

Тому, что его подняли сегодня телефонным звонком глубокой ночью и велели снова куда-то ехать, инкассатор не удивился. Такие вызовы случались, к таким неудобствам работы он привык, за неудобство платили прилично. Кому могли понадобиться услуги инкассации в столь неурочный час, его не волновало – у богатых свои причуды.

Неприятно было то, что сегодня все придется делать одному: выводить машину, оформлять путевку, ехать туда и обратно. И все по морозу и по полной темноте – дорога шла через окраинные районы Москвы в Подмосковье, и это тоже не очень приятно.

Поразмышляв, он решил подняться за горячей водой в офис – там еще мирно дремал охранник Кирилл, утомленный всенощным бдением за компьютерными играми. Только

ведро нужно прихватить.

– И где у этого бездельника ведро? Только не нужно говорить, что его нет, – не в горстях же носить, – ворчал он, залезая в кузов-сейф, который одновременно служил вместительным хранилищем ценностей и предметов нехитрого шоферского быта – инструментов, запасок, всевозможных канистр.

Открыв сейф, в котором было темно и холодно, как в животе у Санта-Клауса, он долго вглядывался во мрак, надеясь обнаружить блестящий бок цинкового ведерка. Это ему не удалось, и он полез в темноту, ругая нерадивого шофера, русскую зиму и нетерпеливых капиталистов.

В темноте больно споткнулся о что-то тяжелое и загремел на пол, увлекая за собой какие-то громоздкие металлические предметы. С трудом поднявшись, стал поднимать то, что уронил. Рука его соскользнула и, видимо, сорвала какие-то запоры, что-то шелкнуло, на ноги ему полилась какая-то жидкость, и запахло чем-то медицинским.

– О черт! – выругался он, протискиваясь к свету.

* * *

Декабрь закончился, как ему и положено, Новым годом. Праздники я справлял с компанией Воробьева: как оказалось, к моему удивлению и стыду, своей компании у меня не было. По этому поводу я пережил пару неприятных часов саморефлексии, в результате которых понял, что просто

нужно меньше работать и больше бывать на тусовках – благо в Москве их было предостаточно.

Когда я понял, что бой курантов рискую услышать в гордом одиночестве, то стал метаться, пытаюсь одновременно убедить себя, что не все так плохо. Намекнул, что не прочь провести вечер при свечах с кем-нибудь из медсестричек, с которыми так пошло шутил иногда. Оказалось, что никому-то я не нужен, старый хрен: наши птички-медсестрички разлетались по модным клубам в компании юношей, которые так хорошо танцуют в отличие от меня.

Получив такой отлуп, я еще долго рассматривал в зеркале свое мужественное лицо и думал, что, вероятно, мне не к лицу моя белая медицинская шапочка. Даже захандрил, что моим другом было немедленно замечено, в результате чего он и пригласил меня в свою компанию на Новый год. Я еще долго крепился и отнекивался, после чего признался себе, что если и дальше буду упорствовать, то придется в эту главную ночь напиться на пару с телевизором.

Уже в вечер Нового года, когда по телевизору традиционно крутили «С легким паром», я все-таки решился. Немного посидев у аппарата, чтобы успокоить сердцебиение, снял трубку и медленно набрал номер, который, вероятно, буду помнить всю жизнь. Только бы она была дома!

К телефону долго не подходили, и я уже было собрался положить трубку на рычаг, как вдруг в ней что-то щелкнуло и незнакомый мужской голос произнес:

– Алло, я вас слушаю.

Я представил себе здоровенного усатого сержанта из школы милиции – во всяком случае, таким представлялся хозяин этого голоса, – и первым порывом было крикнуть ему что-нибудь грубое и положить трубку. Но, будучи человеком благовоспитанным, просто сказал:

– А Марину можно?

– Можно. Только осторожно, – строго ответил голос и прокричал, видимо, в глубь комнаты, откуда раздавались оживленные голоса и музыка: – Мариночка! Тебя.

В следующие две минуты я глубоко прочувствовал, как я несчастен.

– Да? – раздался в трубке веселый голос женщины, которую я любил – теперь в этом не было никаких сомнений.

– Привет, Марина, – с легкой хрипотцой от волнения начал я. – Я звоню тебе, чтобы поздравить с Новым годом и пожелать тебе счастья во всем – в первую очередь – в личной жизни.

В трубке повисла недолгая пауза, после чего слегка саркастичный голос Марины ответил:

– А, привет. Это очень мило с твоей стороны. Тебе – того же.

И замолчали. Я понял, что больше ничего ей сказать не смогу – слишком много у меня было слов, которые оказались сейчас ненужными. А она ждала, и пауза становилась невыносимой.

– Ну, пока, – полувопросительно-полуутвердительно сказала Марина.

– Счастливо, – совсем уже убитым голосом попрощался с ней я.

Положив трубку, я твердо решил переодеться в спортивный костюм, поставить на стол всем врагам чайник и сидеть дома. Но потом усилием воли запихнул себя в пиджак и накинул пальто. Взрослый же человек – сам знал, что делаю. Что ж теперь расстраиваться? Жизнь не закончилась.

И все это я пытался доказать себе и другим, изо всех сил веселясь на бесшабашной тусовке у Воробьева. Надо признаться, у меня получилось почти искренне. Приглашенные Николаем многочисленные девочки с восторгом и благоговением смотрели на меня, потому хотя бы, что я был Воробьеву лучшим другом. Они окружили меня таким обожанием, что я растаял и почувствовал себя значительно лучше.

Однако под бой курантов я загадал совсем не то, чего бы хотелось этим милым девочкам.

* * *

За чередой бесконечных и изматывающих январских торжеств я совсем забросил работу – у нас ее не забросил только Штейнберг, которому все равно было нечего делать. Забыл также и о своем намерении вести здоровый образ жизни и теперь с ужасом смотрел на выпирающий из-под джемпера

животик и мешки под глазами.

– Хорош, Сергеич, ничего не скажешь! – отчитал я себя, глядя в зеркало.

Опомнившись, я решил досрочно спрятаться в строгих стенах клиники и приступить к работе с особенным рвением, дабы отвадить от своего слишком гостеприимного в последнее время дома многочисленную дамскую публику, которая увязалась за мной из воробьевского гарема. Сил уже нет никаких – выдерживать поток обожания и терпеть капризы Кать, Наташ, Полин...

А что на работе творилось, словами не передать: пока мы там веселились, полгорода ОРЗ заразилось. Юдин трудился в две смены не покладая рук, забывая снять марлевую повязку даже во время обеда. Я к нему немедленно присоединился, отрабатывая свое декабрьское и январское безделье, приняв половину его пациентов. Мы на пару прописывали антибиотики, капли и электрофорез, поражаясь, почему люди не берегут себя. Конца-края не было видно череде простуженных пациентов.

В моменты передышек, которые редко, но случались, мы отдыхали в курилке, обессиленно шутя и незло посмеиваясь. Как оказалось, Юдин был неплохим товарищем, и теперь, когда все тонкости субординации в связи с эпидемией как-то подзабылись, его лучшие качества проявлялись в полной мере. У Павла сильный характер, он хладнокровен и умен, но это не мешает ему так же иметь и хорошее чувство

юмора, быть достаточно тонким человеком. Короче говоря, общаться с ним одно удовольствие. Обидно, конечно, что я – экстраверт по натуре, не мог рассчитывать на ответную открытость. Юдин оставался блестящ и непроницаем, как Тибетская Книга Мертвых.

В один из таких тайм-аутов Юдин сказал, что хочет уволиться из нашей клиники в ближайшие пару недель. Я от неожиданности даже потерял дар речи. Жалко ведь терять товарища, которого только что приобрел. Придя в себя, все же спросил о причинах.

– Тебе что, деньги лишние? Я вот тут уже надумывал, не взять ли тебя в заместители. Так что не торопись, – посоветовал я.

– Эти деньги рано или поздно выйдут боком – и мне, и тебе, – спокойно ответил Юдин.

– Ты о чем?

– О том. Меня и без того хотят уволить. А так – хоть жест красивый сделаю, – продолжал он, не ответив на поставленный вопрос.

Мы помолчали.

– Не нравится мне здесь. Что-то в вашей клинике недоброе затевается – ты не чувствуешь? – вдруг спросил он.

– Ха, – съязвил я. – Тоже мне, вещая Кассандра! Только не говори, что ты, прожженный логик, веришь в какие-то предчувствия и ощущения.

Он снова помолчал и, не глядя на меня, отозвался:

– Это не предчувствия. Это – факт.

Он затушил сигарету и поднялся.

– Помнишь этот последний случай с Лопуховым, из-за которого нас двоих чуть не уволили?

– Ну?

– Когда ему отрезали органы, он был еще жив.

ГЛАВА 9

– Что?

Я подумал, что ослышался.

– Органы ему отрезали еще при жизни или сразу же после смерти, а ни в коем случае не во время вскрытия и не после него, – мрачно повторил Юдин.

– Да ты что?! Что ты говоришь?

– Ну, если бы вы на вскрытии не болтали с патологоанатомом, а внимательнее труп разглядели, вы бы тоже кое-что заметили, – ответил Юдин. – Это достаточно просто определить. Я в университете на хирургии одно время специализировался, а потом ассистентом судмедэксперта подрабатывал, – придал он вескости своим заявлениям. – На местах среза видна запекшаяся кровь – значит, на момент их образования кровотоков еще не был остановлен. Операция, вероятно, проводилась достаточно поспешно, иначе тот, кто ее сделал, позаботился бы о том, чтобы таких следов не оставалось.

Я тоже поднялся и теперь смотрел на Павла, стараясь не пропустить ни одного слова. Но Юдин, видимо, считал, что сказанного достаточно. Поэтому повернулся ко мне спиной и пошел к выходу.

– Паша, – окликнул я его. – И что из этого следует, потвоему?

Он обернулся:

– Что следует – это вам нужно знать. А мне это не интересно. Мне уже одного достаточно, что у вас живых людей здесь расчленяют безнаказанно.

И ушел, оставив меня сводить в голове концы с концами и стараться припомнить всю информацию, которую я уже скопил по этому делу, да за своими будничными хлопотами не удосужился как следует проанализировать.

Получалось препротивнейше: в клинике на глазах у всех происходили странные вещи, и никому до этого, в сущности, не было никакого дела.

Начнем сначала. Умерла при подозрительных обстоятельствах и после этого похищена девушка, которая в Москве не имела родственников. Никто ничего по этому делу вразумительного сказать не может или не хочет. После этого умер мужчина – также одинокий и никем не востребованный. Общих черт не так уж и много на первый взгляд: девушка молода и здорова, умирает по нерадивости хирурга. Мужчина не очень молод и имеет слабое сердечко – хирург ни при чем. Зато в поле зрения оказывается патологоанатом.

Можно вывести список лиц, которые попадают под подозрение. Воробьев, патологоанатом Власов, другой патологоанатом, Савушкин. Хирург Головлев – замешан во всем: мужчина умер на его операционном столе – раз; в ночь, когда умерла девушка, дежурил он – два; органы у умершего мужчины отрезаны там же, где его и оперировали, – три.

Таким образом, Головлев становится наиболее интересным персонажем. Разобраться с ним сейчас или подождать немного? А кстати, зачем он людей-то режет?

Есть мнение, что действует он не по собственной инициативе – она, как водится, наказуема. Обратим внимание на ближайшее и непосредственное начальство. Лямзин – главный злодей? Не-е, этот не может. Хотя почему не может? В тихом омуте такие черти бывают.

А ему это зачем? Вот в чем вопрос. Прояснить этот вопрос, Ладыгин, твой долг перед собой и обществом. Кстати, ты, кажется, собирался навеститься к судмедэксперту на предмет поиска похищенного из морга? Так вот, самое теперь время.

Подумав приблизительно таким образом, я покинул курилку с твердым намерением посетить сегодня же это гостеприимное заведение.

* * *

– Мне позвонили и сказали, что вам нужна помощь, – это так?

– Да, доктор, только мне нужно было не с вами...

– Ваш врач у нас уже не практикует. Собственно говоря, именно он попросил меня вам помочь. Надеюсь, вы согласны, что теперь я буду работать с вами?

– Хотелось бы, конечно, чтобы меня посмотрел тот же

доктор – я к нему привык, и он меня полностью устраивал. Но если это невозможно – я согласен. У вас какая квалификация, доктор?

– Высшая, не переживайте так сильно. Если хотите, я вам все необходимые дипломы покажу.

– Не стоит беспокоиться. Я согласен. Когда операция?

– Я думаю, на следующей неделе. Мы вам позвоним дополнительно и предупредим.

– А анализы?

– Ну, вы же сдавали анализы, правда? Все их результаты у меня есть. Или вы хотите повторить все процедуры?

– Вы смеетесь? Снова иметь дело с вашими хамами и сидеть в очередях? Нет, увольте меня! Спасибо вам, доктор, что избавили меня от подобных удовольствий!

– Не за что. Итак, мы с вами договариваемся следующим образом. Мы забираем вас на «Скорой» – так удобнее. Оплатить вызов вы сможете потом – эти деньги вам вычтут из стоимости операции. Мы вас госпитализируем, оперируем и на следующий же день выписываем. Вам такая схема подходит?

– Абсолютно.

– Тогда давайте прощаться.

– До свидания, доктор.

– До скорого свидания, я бы позволил себе заметить!

– Нет, вы знаете, мы вам этого сказать не можем. Даже если из вашей клиники и поступали в наше распоряжение какие-то тела, вы такую информацию не получите ни в коем случае. Таковы правила – вы уж извините.

Совсем юная девушка очень строго смотрела на меня сквозь большие очки.

– Девушка, а с кем еще я могу поговорить на эту интересную тему, кроме вас?

Девушка обиделась и сказала:

– С вами здесь на подобные темы никто разговаривать не станет – будьте уверены.

– Прекрасно. А если повторится подобный случай, я могу в тот же день обратиться к вам с просьбой предоставить мне информацию?

– Если вы будете состоять в родственных связях с указанным лицом – тогда пожалуйста. А так – нет.

– Все понятно. Спасибо большое.

Пришлось уйти из лаборатории ни с чем. Порядки здесь строгие. Но понять персонал можно – кому интересно разговаривать на столь щекотливые темы с посторонним человеком, заведующим терапией коммерческого лечебного учреждения?

– Сергей Львович, мне бы не хотелось больше никаких неприятностей. Вы же знаете, что Штейнберг очень быстр на расправу.

– Не волнуйтесь, Степан Алексеевич. Уверяю, все будет в полном порядке, я вам это обещаю.

– Зачем вы вообще беретесь за подобные дела, ответьте мне на этот простой вопрос?

– Если человек меня просит, как же я могу отказать? Я же не зверь, правда? Да к тому же и сумма соответствующая прилагается.

– Не будьте так самоуверенны. Мне кажется, все эти несчастные случаи в последнее время становятся слишком подозрительными и нереальными. Не забывайте, что мы все под пристальным наблюдением.

– Мы под наблюдением? Что вы, Степан Алексеевич! Под наблюдением наши молодые кадры, которые при случае нужно увольнять – мы же и без них справлялись, правда?

– Ну, это вы зря. Хорошие люди никогда не помешают. Ладно, вы, конечно, вне всяческих подозрений, как и вне конкуренции. Хотя этот Воробьев неплох, неплох, надо признать. Как он мог тогда с той девочкой так неаккуратно – не понимаю. Рука точная, сильная, и видно, что талант.

– Ну, со всеми бывает, что ни говори. Кстати, а что этот

строптивый терапевт постоянно возле морга крутится?

– Кого вы имеете в виду? Ладыгина?

– А у нас есть еще кто-то сильно строптивый, кроме него?

– Пусть себе крутится – его проблемы.

– Ну, не скажите. В прошлый раз вон как нехорошо получилось с телом.

– Да, получилось нехорошо. К тому же вы меня не предупредили – я выглядел полным идиотом. Но вы разобрались с виновными?

– Я сделал им выговор и этим ограничился. Не хватало еще, чтобы они пошли к Штейнбергу жаловаться. Хороши бы мы были тогда, а, Степан Алексеевич?

– Согласен, Сергей Львович.

* * *

– Уходите?

– Ухожу.

Юдин грустно, но твердо смотрел на меня сверху вниз, стоя возле стола.

На столе лежало его заявление об уходе по собственному желанию. Я перечитывал его уже не в первый раз и все не мог придумать, что бы ему такого на прощание сказать. Сказать такое, что ему потом захочется вспомнить, и вспомнить не без удовольствия.

– Куда уходите, Павел Петрович? – спросил я, так ничего

и не придумав.

– В Склифосовского меня звали. У меня там научный руководитель служит. Буду над кандидатской работать, – терпеливо объяснил мне Юдин.

Я ему был благодарен за то, что в его голосе не было совершенно никаких эмоций, – в противном случае мне было бы не просто не наговорить ему лишнего.

– Науку, значит, будете двигать?

Юдин молчал.

– Замечательно, – бормотал я, подписывая заявление. – Теперь пожалуйста к Штейнбергу.

Он молча вышел, а я подумал что-то о том, что крысы бегут с корабля. А потом устыдился и отругал себя. За что мне было его судить?

Я, например, тоже хорош. Мог бы уже давно принять какие-нибудь меры, разобраться сразу же и до конца. Вот поди ж ты – меня не касается, ну и ладно. Времени потерял достаточно – носился со своими личными проблемами. Теперь большая часть следов потеряна – ничего никому не докажешь. Догадывайся теперь, не догадывайся – твои личные трудности. Ничьи догадки для следствия ничего не значат без вещественных доказательств. А где они теперь, эти доказательства? Нету их, и все тут.

Другое дело, что если уж что-то серьезное в нашей клинике затеялось, то вполне может быть и продолжение. А может и не быть – вот в чем проблема. Надо ждать. И быть готовым.

Дима смотрел в треснувшее стекло, потягивая горький чай из железной кружки. Чтобы тусклый свет лампочки не мешал ему наблюдать, он выключил свет и оставил только включенный телевизор, убрав звук до минимума. Сегодняшняя ночь была последней ночью его дежурства, и он надеялся, что хотя бы сегодня ждет не напрасно. Напрасные ожидания теперь становились его профессией, и он к этому постепенно привык.

После пережитого характер его изменился настолько, что людям, которые не общались с ним достаточно долго, стало трудно найти с ним общий язык. Преподаватель по актерскому мастерству был вынужден изменить свои планы по поводу его специализации. После того как между ними состоялся тяжелый разговор, Дима взял академический отпуск. Если бы ему не удалось подобным образом уладить свои проблемы с учебой, то ему пришлось бы бросить институт. Ходить на занятия по танцам и вокалу не было ни сил, ни желания.

Потеряв столь неожиданно смысл и цель своей жизни, Дима почувствовал себя таким одиноким и ненужным, что впопугу был просто лечь и умереть. Подобная мысль приходила ему в голову, но лишь однажды. Потом она сменилась недоумением по поводу того, что Наташа исчезла бесследно и он даже не знает, где зарыто ее тело. Можно было подумать, что

девушка жива, но ее хорошо спрятали от него. Кто? Зачем?

Именно прояснение этого вопроса стало новой целью его жизни – не мог человек жить без цели по своей природе, и все тут. Сперва Дима бродил по окрестностям клиники, как немая тень, стараясь что-нибудь разглядеть за закрытыми жалюзи. Его часто останавливали охранники, заводили в свою «каптерку», долго и придирчиво рассматривая документы. Дима старался не попадаться им на глаза, крадась под самым забором, но все равно не выдерживал, отходил подальше, поднимался на цыпочки, заглядывал внутрь, надеясь увидеть хоть тень, хоть какой-нибудь знак.

Начальнику смены «Гепарда» до чертиков надоела эта унылая фигура, мелькающая в непосредственной близости от охраняемой им территории и потому потенциально опасная. В один из дней он накинул куртку, вышел на крыльцо и, уперев руки в боки, крикнул в темноту:

– Эй, пацан!

Фигура замерла в трех метрах и попятилась к забору.

– Тебе, тебе говорю! – прищурившись, продолжал охранник. – Иди-ка, малый, сюда.

Парень помедлил, но все же подошел. Лицо его было бледным и хмурым, а глаза смотрели настороженно.

– Парень, ты что – нерусский? – спросил «гепардонец».

Тот молчал.

– Тебе объясняли, что здесь находиться нельзя?

– Ну, объясняли, – наконец отозвался парень.

– И что ты здесь в таком случае делаешь?

– Я же вам говорил – свою девушку жду, – упрямо отвечал он.

– Нет ее здесь, нет – тебе сто раз было сказано! Иди отсюда!!!

– И не подумаю.

– Че-о? – «гепардовец» приложил широкую ладонь к уху, будто он не расслышал последней фразы.

– Ниче, – передразнил его парень. – Вы территорию охраняете – вот и охраняйте. Я к вам на территорию не лезу – вы меня и не трогайте.

– Да ты, парень, охамел, – удовлетворенно отметил человек в камуфляже, не торопясь, подошел поближе и стал насмешливо разглядывать наглеца.

И вдруг вмазал ему кулаком в лицо так, что парень поскользнулся и упал головой об лед. «Гепардовец» пару раз лениво пнул его кованым тяжелым ботинком в живот, плюнул, прорычал: «У, падаль!» – и, не торопясь, пошел обратно.

Дежурная медсестра выглянула в окно и, увидев на снегу скрючившуюся неподвижную фигуру, спросила у своей напарницы:

– Свет, а кто это у нас под окнами валяется?

– А, опять какой-нибудь алкаш с асфальтовой болезнью. Надрался и лежит себе, – равнодушно протянула повидавшая виды Света.

– Ой, так он же замерзнуть может! – испуганно пробор-мотала ее молодая подружка.

– Может, – согласилась Света.

– Так нужно его к нам затащить!

– Не нужно. Если бы он приличный человек был, нас бы уже позвали ребята с проходной. А это бомж, наверное.

– Так ведь человек же!

– Для людей государственные клиники бывают, а у нас клиника специальная. И вообще, закрой окно, а то дует уж очень.

* * *

Ждать пришлось долго. Жизнь шла по накатанной дорожке. Утренняя зарядка, утренний обход, утренняя планерка, обед – и то же самое, только в обратном порядке. И так – изо дня в день. Редкие выходные проходили в компании немногих оставшихся друзей, чаще всего – в спортзале или в сауне, где за пивом и беседами утекали немногие часы нашего отдыха.

На работе все было чинно и благородно. Как выглядит Штейнберг, я бы вскоре забыл, если бы не его любовь к проведению различных собраний коллектива с вынесением на него совсем уже формальных вопросов, которые вызывали храп даже у активистов трудового процесса.

Скуки ради я старался развить деловые отношения с Ин-

ночкой хотя бы до платонической дружбы. Инночка камелела все больше – видимо, она совершенно уверила себя в том, что связываться со мной не стоит. В результате этого к ее прелестям я медленно, но верно терял интерес, что усугублялось еще и тем, что наступили крещенские морозы и у Инночки очень часто шелушилась кожа на лице и краснели глаза. Я злорадствовал что-то на тему: «Так не достанься же никому!» – и скучал все сильнее и сильнее.

Звонить Марине после памятной новогодней попытки что-то не хотелось – очень уж я горд и самолюбив. Мне казалось совершенно несправедливым, что мои завоевания достались кому-то еще. Большая часть заслуги в том, что Марина перестала испытывать комплексы и рефлексировать на тему своей внешности и несчастной судьбы, я без зазрения совести приписывал себе, а потому чувствовал себя обворованным.

Поэтому то, что произошло в конце концов, было на первых порах воспринято мной как подарок судьбы.

* * *

На очередную планерку я опоздал – подменял захворавшего терапевта и не успел осмотреть всех пациентов. Войдя, я сразу оценил ситуацию как непривычно накаленную: Штейнберг всю ругал завхирургией Лямзина, а тот, красный как рак, неуверенно оправдывался.

Извинившись, я забрался в глубь кабинета, стал напряженно вникать в суть разговора. Когда понял, что произошло, внутренне приготовился к тому, что теперь-то уж настало мое время.

Дело было в том, что снова умер человек и снова – буквально на операционном столе. Так, мой клиент! Осталось выяснить подробности.

Подробности несколько разочаровывали. Умерший был госпитализирован с диагнозом «острый холецистит» и сразу же положен на операцию. Во время, когда происходило хирургическое вмешательство, никаких осложнений не предвиделось – операция проходила успешно. Но в какой-то момент у больного отказало сердце, и его не удалось спасти.

Я шепотом поинтересовался у соседа, кто проводил операцию. Мне назвали фамилию хирурга – она мне была неизвестна. То ли он раньше в поле моего зрения не попадал, то ли его недавно на работу взяли. Видимо, как взяли, так и уволят. А Лямзин только за себя сейчас переживает – как бы самому не остаться без работы. Все-таки семеро по лавкам, и у жены характер тяжелый.

Узнав расстановку сил, я засомневался: то ли это, что мне нужно. Хирург молодой и на первый взгляд ни при чем. Больной, как можно было вывести из разговора, довольно состоятельный человек, имеет родных. Тело его на данный момент находится в морге, вскрытие еще не производилось.

Но не все так и есть, как кажется на первый взгляд, сказал

себе я и решил все-таки сунуться в это дело поглубже и убедиться, что все там чисто.

После планерки я легкой походкой подрулил к Штейнбергу и вкрадчиво спросил:

– Борис Иосифович, можно личную просьбу?

Тот поднял на меня удивленные глаза и заметил:

– По личным вопросам с сотрудниками я обычно общаюсь по вторникам с трех до семи.

– Это срочно, к тому же касается моей профессиональной деятельности.

Он выжидающе уставился на меня, недоумевая, по всей видимости, что же мне еще понадобилось от него.

– Борис Иосифович, будьте так любезны, разрешите мне присутствовать при вскрытии этого умершего, о котором сегодня так много говорилось.

– Это еще зачем?

– Вы знаете, хирургия не является моей специальностью, но в свете последних веяний, которые рекомендуют врачам расширять свои познания в смежных областях медицины, мне бы хотелось повышать свою квалификацию...

Из всей длинной фразы, по-видимому, Штейнберг уловил только «повышать квалификацию» – настолько он был поглощен своими мыслями. В результате он снова посмотрел на меня довольно мутным взглядом и сказал:

– Нет.

Сказал он это достаточно твердо, поэтому я не рискнул

настаивать. Кивнул ему и ретировался – спорить со Штейнбергом сейчас бесполезно.

После того как мне не удалось пробраться в морг на законном основании, я решил использовать свое профессиональное положение максимально и забраться в нужном мне направлении достаточно далеко. Это привело меня к тому, что я продежурил в коридоре полчаса и дождался, когда консилиум из патологоанатома, хирурга и завхирургией проследовал в направлении подвалов.

Прошло еще полтора часа, я успел сменить позицию на такую, которая бы меньше бросалась в глаза, и старался слиться с клиническим пейзажем, насколько это возможно. Снизу раздались сдержанные голоса, в коридоре появилась вся славная троица, переговариваясь и жестикулируя. Я, не теряя ни минуты, прошел в морг, намереваясь по горячим следам посмотреть тело или расспросить дежурного.

Перед дверью дежурил незнакомый и непреклонный молодой человек, который не поддался на мои уговоры и внутрь меня не пустил.

– О’кей, – отреагировал я на его грозные предупреждения пожаловаться главному. – Но хоть сказать, кто будет выдавать тело и кому, ты мне можешь.

– Сказать могу, – дружелюбно ответил тот, видимо, умиротворенный моей покладистостью.

Он достал пресловутый журнал, чем вызвал у меня неприятные воспоминания, и, посмотрев в него с минуту, объявил:

– Выдача тела состоится сегодня в 18.30, забирать тело будет фирма «Натрон». Похоронная контора какая-нибудь, – предварил он мой вопрос.

– Спасибо и на этом.

Отблагодарив парня, я поднялся наверх, решив посетить прежде всего молодого хирурга. Почему-то мне казалось, что у него мне будет легче всего разузнать все нужное о теле.

– Здравствуйте! – весело сказал я ему, появляясь на пороге кабинета.

Он поднял голову и посмотрел на меня исподлобья.

– Вы уж меня извините, что вот так врываюсь к вам и даже имени вашего не знаю. Меня зовут Ладыгин Владимир Сергеевич. Работаю здесь завтерапией и хотел бы с вами как с коллегой побеседовать.

Он указал мне рукой на стул и представился в свою очередь:

– Игорь Васильевич Жуков. Вы что-то хотели?

– Да, меня вот на вскрытие к вам не допустили – говорят, теперь лимит на посещение морга – не более раза в год и не более трех человек.

Он не понял моего стеба и стал смотреть на меня еще более внимательно.

– Так вот я и хотел у вас спросить – не поделитесь ли вы со мной результатами вскрытия? Мне для коллекции.

– Для какой коллекции?

– Для коллекции странных смертных случаев в хирурги-

ческом отделении.

Он посмотрел на меня теперь уже с ненавистью. Видно, его подобные шутки уже порядочно достали за сегодня.

– Я, возможно, немного неясно выразился, но мне очень нужно знать, – продолжал настаивать я.

– Ну, хорошо. Вот, посмотрите сами, – в его руке появился листок с заключением о причинах смерти.

Меня аж передернуло. Я помотал головой:

– Не-ет, этого я читать не буду. Наотрез отказываюсь. Вы мне сами как очевидец всех событий расскажете, идет?

– Как хотите, – пожал плечами Жуков. – А что именно вам интересно?

– Скажите прежде: все ли органы больного были на своем месте?

– Нет, не все. Одной почки не хватало.

ГЛАВА 10

«Уехать, уехать – куда уехать?» – только эта мысль – вот все, что у него теперь осталось. Спасибо брату – разрешил пока в его квартире пожить в Теплом Стане, а то...

Он со вздохом посмотрел на свое отражение в осколке зеркала.

«Что делает с человеком страх, боже мой!» Он провел рукой по щетине и ужаснулся, поймав взгляд обезумевших, каких-то больных, лихорадочно блестящих глаз.

В этом человеке, который выходил на улицу только раз в неделю, в магазин за продуктами, и жил в комнате, окна которой были постоянно закрыты занавесками, он отказывался узнавать себя.

Он прожил довольно бурную жизнь, но до сей поры редко испытывал страх, тем более такой страх. Даже когда ему прямо в лицо летел тяжеленный кулак противника, он находил в себе силы соображать трезво. Именно в этом заключался секрет его бесконечных побед – в холодном и ясном уме, в отваге.

Но теперь – теперь все было иначе. Он не знал, откуда и когда появится тот, кого ему следовало бояться. А потому он боялся всех и всегда. Он хотел накопить силы, чтобы встретить врага лицом к лицу, но враг его был многолик и одновременно невидим, а потому силы таяли с каждым днем.

Он понял это, когда вырвал телефонный шнур из розетки, потому что даже редкие звонки доводили его до белого каления. После этого он понял, что проиграл.

Смириться с этим он не захотел, а потому сегодня впервые открыл занавески, выбрился, вонзая бритву чуть не до крови в свою заросшую щеку, вычистил пальто и решительно вышел на улицу, захлопнув дверь. Ключи он оставил на полке в прихожей.

* * *

– О, это уже интересно. И кто же, по-вашему, отрезал бедняге почку, после того как вы его прооперировали?

– С чего вы взяли? – Жуков соорудил удивленное лицо. Он, вероятно, принимал меня за не совсем нормального. – Почка у пациента отсутствовала уже на момент операции.

Теперь была моя очередь удивляться.

– В смысле, это вы ее отрезали?

– Нет, ну что вы. Ее не было раньше – она была удалена, очевидно, около года назад. Наверняка были какие-то проблемы. Может быть, именно на фоне этого и развилось то заболевание, по причине которого мы вынуждены были прибегнуть к операции.

– Очень хорошо! А больше никаких особенностей вы не заметили у этого пациента?

– Ну, как было уже известно, ожирение сердца, общая из-

ношенность пищеварительной и выделительной системы...

– Спасибо, спасибо... А как фамилия этого пациента?

Жуков покосился на заключение:

– Сергеенко его фамилия. Валентин Иванович Сергеенко.

* * *

Выскочив из кабинета Жукова, я помчался в свой кабинет, в котором, как и прежде, был довольно редким гостем. С уходом Юдина мои терапевтические дела шли из рук вон плохо. Отделение работало как придется, врачи целыми днями травили анекдоты в курилке. Слава богу, пока ни один больной не подал жалобу начальству, все больше терпеливые попадались – покорно маялись в очереди, хотя имели право за такие деньги иметь отдельного врача. Каждая неделя начиналась с желания навести порядок, но только желание оформлялось в твердую решимость, как тут же случалось очередное ЧП, которое уводило меня в сторону от праведного пути. «Благими намерениями вымощена дорога в ад!» – назидательно говорила мне каждый раз Инночка, ужасаясь моей безалаберности. Я соглашался с ней и обещал исправиться, а чтобы она была немножко снисходительнее, разрешил ей время от времени запирается в моем кабинете с подружками.

Сейчас я застал ее одну: она сидела, закутавшись в мохнатый шарф, и играла в «Lines». Когда Инна узнала, что я

даже элементарно не могу расставить цветные шарики в этой простой компьютерной игре без особых проблем, она пришла в ужас и стала втайне считать меня совершенно пещерным типом.

– Привет! – бодро поприветствовал ее я, хотя в душе сильнее всего хотел бы, чтобы ее сейчас здесь не было.

– Привет, – равнодушно отозвалась Инна, не отрываясь от экрана – видимо, шарики стали вести себя особенно буйно.

– Инночка, ты не могла бы меня пустить ненадолго в мое собственное кресло? – вкрадчиво спросил я.

– Зачем это? – искренне удивилась она, быстро щелкая «мышкой».

– Ну, предположим, я хочу погреться – ты же там, наверное, так пропитала кресло своим теплом, что можно оранжерею высаживать, – сострил я. Посвящать девушку в мои секреты нельзя, а гнать ее отсюда взашей, тем самым обижая и порождая всяческие вопросы и подозрения, тоже не лучший выход. Но оторвать Инночку от игры не было никакой возможности, а дорогое время стремительно уходило.

Пришлось пойти на хитрость. Пробурчав: «Ладно, я подожду», направился к креслу и, проходя мимо стола, будто случайно зацепил ногой провод, который соединял электронного монстра с розеткой.

– Владимир Сергеевич, что вы делаете! – в ужасе взвыла моя ассистентка, подсакивая на кресле, словно ужаленная. – Вы же компьютер испортили! Его же нельзя из сети

выключать.

– Так я не специально, я споткнулся, – почти искренне оправдывался я. – И что теперь будет?

– Что, что! Полетит у вас оперативка, как пить дать!

– Что вы говорите! – всплеснул руками я. – Так срочно бегите за Хоменко – он что-нибудь да придумает.

Инночка, хлопнув дверью, убежала, дав мне возможность в тишине и спокойствии позвонить самому интересному для меня сейчас человеку.

– Это регистратура Склифосовского? А Юдина Павла Петровича вы можете мне найти? Девушка, это очень срочно и очень важно! Кто говорит? Следовательно по особо важным делам Сидорчук говорит, вам известна моя фамилия? – орал я. – Вот так-то лучше, – удовлетворенно пробормотал я про себя, когда в трубке раздалось: «Соединяю».

Услышав сдержанный баритон Юдина, я обрадовался так, словно он был моей последней надеждой. Первым, что я у него спросил, было:

– Паша, у вас телефон не прослушивается?

* * *

Вдоволь побродив по городу, он сел на заледеневшую скамейку и стал соображать. Свежий воздух и общество людей повлияли на него благотворно: он расслабился, обрел некоторую уверенность. Осталось продумать свои дальней-

шие действия. Все оказывалось таким непростым и таким неопределенным, что трудно хоть в чем-то быть уверенным. Тем более определять, как и какими методами действовать.

Заявить в милицию? Бессмысленно: он был уверен, что все это учреждение – на короткой ноге с самыми значительными милицейскими чинами.

Тогда что? Остается только действовать самому. «Лучшая защита – это нападение», – любил приговаривать тренер, ставя ему удар. Поэтому он решил идти на таран, не думая, каковы будут последствия. А последствия могут быть самые жестокие – это он тоже осознавал.

Бороться с врагом в одиночку с успехом можно только на ринге или в модном боевике – это понимает любой взрослый человек. Но есть ли у него выбор? К кому можно обратиться за помощью в этом городе, где действовал только закон джунглей – каждый сам за себя?

Поразмышляв еще немного, он поднялся и решительно отправился ко входу в метро. Проехав три остановки до Кольцевой, перешел на Серпуховскую линию. Выйдя из метро, на окраине города взял такси на оставшиеся деньги и быстро доехал до нужной ему улицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.